

63,3 (2Рос-Ком)
Р 59

М. Б. Рогачев



СТОЛИЦА ЗЫРЯНСКОГО КРАЯ

Очерки по истории Усть-Сысольска конца XVIII — начала XX века



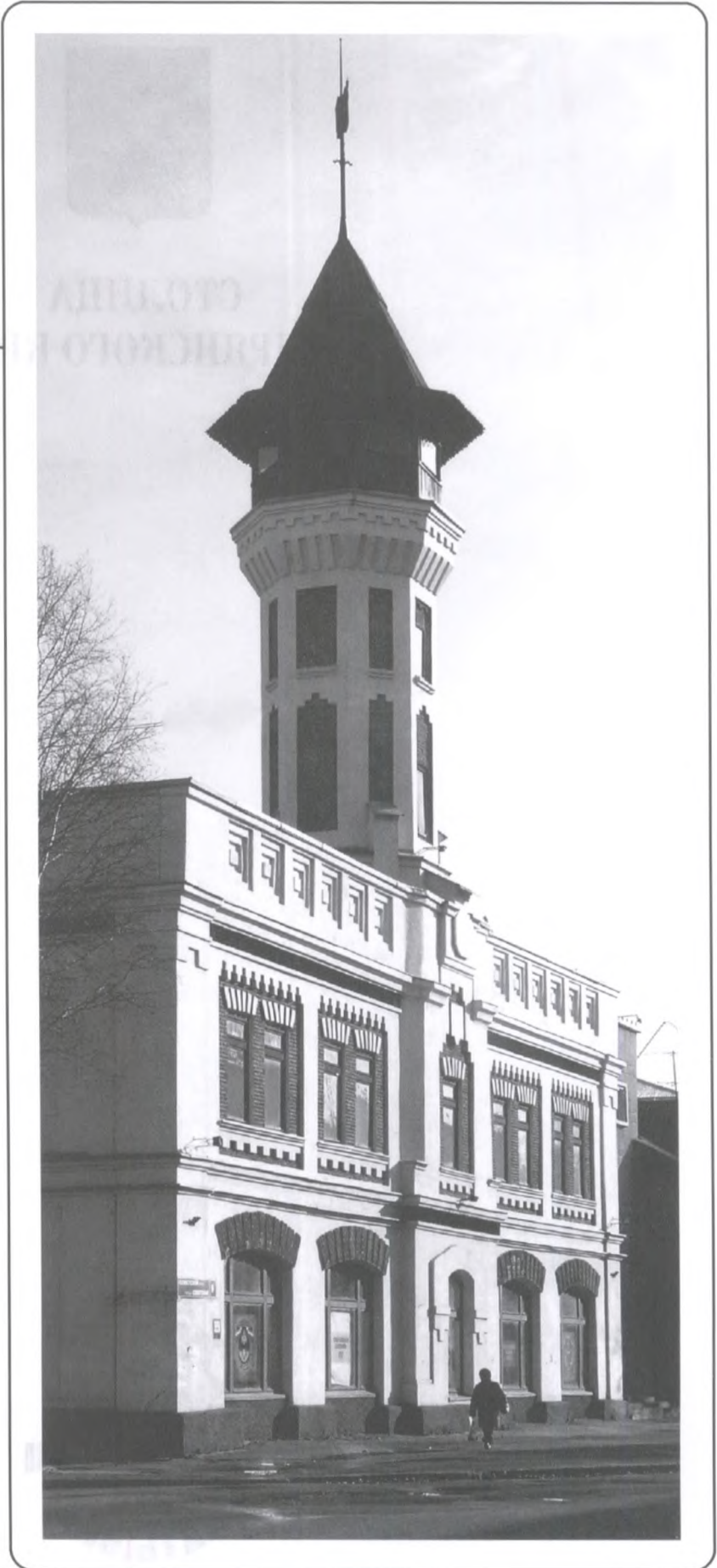
УСТЬ-СЫСОЛЬСК





**СТОЛИЦА
ЗЫРЯНСКОГО КРАЯ**





БЗ,3 (2Рос-Ком)
Р 59

СТОЛИЦА ЗЫРЯНСКОГО

❧ КРАЯ ❧

Очерки истории Усть-Сысольска
конца XVIII – начала XX веков



117063

Сыктывкар
2010

Сыктывкарская
ЦБС

Рогачев М.Б.

Р59 «Столица зырянского края»: Очерки истории
Усть-Сысольска конца XVIII – начала XX веков.
Сыктывкар: ООО «Коми республиканская типо-
графия, 2010. – 248 с.

ISBN 978–5–7934–0350–4

В книге на большом фактическом материале рассказывается об истории Усть-Сысольска (современного Сыктывкара) с преобразования погоста «на устье Сысолы реки» в город и до начала XX века. Читатель познакомится с городским управлением, историей городского прихода, занятиями горожан, с тем, как они проводили свободное время, мысленно пройдет по городским улицам, узнает о школах, больницах и многом другом.

Книга адресована всем, кто интересуется историей родного края.

ББК 63.3 (2Рос.Ком)



Роман Зенищев,
глава
муниципального образования
городского округа
«Сыктывкар»

Друзья!

Вы держите в руках уникальное издание, рассказывающее об истории нашего родного города.

По историческим меркам Сыктывкар достаточно молод. Основанный по Указу Екатерины II в 1780 году, Усть-Сысольск за два с небольшим века из маленького провинциального городка вырос в современный, динамично развивающийся культурный и научный центр Республики Коми с огромным промышленным потенциалом.

Для нас же – тех, кто здесь родился и вырос, он всегда будет оставаться родным «городом на Сысоле», со своими традициями и обычаями, с неповторимым обликом, с историей, сотканной необычными судьбами тысяч людей – жителей Сыктывкара.

Именно поэтому это издание представляет особый интерес не только для историков и краеведов, но и для обычных сыктывкарцев. Эта книга – бесценный помощник для тех, кто хочет узнать историю родного края, открыть неизвестные ранее страницы из истории города. Здесь можно найти официальные документы, рассказывающие об интересных фактах из жизни города, фотографии и отрывки из литературных произведений, а также рассказы о людях, оставивших заметный след в истории Усть-Сысольска.

Символично, что книга об истории столицы «зырянского края» выходит в год 230-летия Сыктывкара. Несомненно, она станет лучшим подарком для тех, кто искренне любит свой родной город.





Глава 1. «СЛАВНАЯ ЗЫРЯНСКАЯ СЕЛИТЬБА»

Начало заселения нижней Сысолы относится к глубокой древности. Первые поселения в районе современного Сыктывкара появляются в эпоху неолита (район оз. Эньты). Известны памятники бронзового века и раннего средневековья. Историки относят нижнюю Сысолу к районам, где издавна жили предки коми. И тем не менее постоянного населения здесь долго не было – люди приходили и уходили, небольшие поселения пустели и основывались новые, уже в другом месте. Ни одно из них нельзя считать «прототипом», «родителем» Усть-Сысольска, хотя некоторые из поселений и находились в городской черте современной столицы Республики Коми.

В первой половине II тыс. н.э. в бассейне реки Сысолы прослеживаются два территориально-племенных образования зырян-сысоличей – на верхней и средней Сысоле. В документах конца XV века эти территории именовались Ужгинской и Сысольской волостями. Центром последней, вероятно, была Вотча – погост, где еще при Стефане Пермском был основан монастырь. Именно в Вотче, в Афанасьевской церкви, хранился «земской ларец с сотными грамотами»* [1]. Но нижняя Сысола в волостные земли не входила, что можно объяснить только тем, что в то время там не было постоянного населения. Действительно, последним населенным пунктом на пути от Вотчи к устью Сысолы в то время был погост Шошки. Вероятно, заселение этого района началось в первой половине XVI века переселенцами с верхней и средней Сысолы и Вычегодской земли (не исключено, что среди переселенцев с нижней Вычегоды были и русские) [2]. Уточнить время заселения могли бы документы первых переписей населения Коми края, проведенных в 1481, 1530 и

1564 годах, но, к сожалению, эти писцовые книги не сохранились. Точный год образования погоста в устье Сысолы мы никогда не узнаем.

1.1. «Погост на устье Сысолы»

В 1585 году по повелению государя Федора Иоанновича Иван Огарев и подьячий Филипп Юрьев начали очередную перепись земель Коми края. В 1586 году они составили описание Сысольской волости Вымского уезда. Основной целью этого и подобных ему описаний был учет податного мужского населения и подлежащих налогообложению хозяйств. Государевы чиновники дотошно перечисляли, сколько в каждом населенном пункте нежилых и жилых дворов, а в них взрослых мужчин, размеры церковных и семейных земельных угодий (пашни и сенокосов), количество охотничьих орудий и т.д. И уже на основе этих данных рассчитывались размеры различных податей.

В 1599 году в Вотче «от молнии» сгорели укрепленный городок и Афанасьевская церковь, а вместе с ней и тот самый ларец, в котором хранились «сотные книги Сысольские земли письма и меры Ивана Огарева и иные многие государевы указные и ямские, и земские грамоты». Это печальное событие имеет самое непосредственное отношение к истории Усть-Сысольска. Гибель ларца со всем волостным архивом заставила сысольских людей обратиться к государю Борису Федоровичу Годунову с просьбой выдать им новую копию с писцовых книг, поскольку «государевых всяких податей платить им не по чему». Убыток государевой казне – дело недопустимое, и в 1600 году «государь, царь и великий князь Борис Федорович всея Руси Сысольские волости крестьян пожаловал, велел им дати с писцовых книг свою государеву сотную грамоту». Эта ко-

* Сотные грамоты – копии с писцовых книг.

пия с писцовых книг Ивана Огарева и Филиппа Юрьева дошла до наших дней и сохранила относящееся к 1586 году первое упоминание о «погосте на Усть-Сысоле реки». Оно заслуживает того, чтобы быть приведенным полностью:

«Погост на Усть-Сысоле реки, а на погосте церковь страстотерпца христова Георгия, теплая, клетски. А в церкви образы и книги, и свечи, и сосуды церковные, и ризы, и стихарь, и паручи, и колокола, и все церковное строение мирское. А церкви ставят приходом. Да на погосте во дворе поп Прокофей Федоров, о дворе церковный дьячек Фетька Иванов, во дворе пономарь Клишко Семенов. Пашни церковные земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 60 копен. Да церковное ж озеро Куальтый с ыстоком, а дали тое озеро, и с ыстоком в дом к Георгию страстотерпцу сысольские вотчинники сотцкой Федор [Иванов] с своими детьми и с племянники. Да около погоста дворы врозни: во дворе Ивашко Иванов сын Вежова. Пашни паханые средние земли 2 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет. Во дворе Якуш Иванов Вежова. Пашни паханые средние земли 2 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 20 копен. Во дворе Некраска Савин, а прозвище Зарбай, да брат его Фетька. Пашни паханые средние земли 5 чети в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей** нет. Во дворе Кузьма Васильев сын Макарьин да сын его Гришка. Пашни паханые средние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 40 копен, а слопцов и перевесей нет. Во дворе Костя Вежов да сын его Ярко. Пашни паханые средние земли 3 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, а слопцов и перевесей нет. Во дворе Юрко да Сидорко Осиповы. Пашни паханые средние земли 5 чети с осьминою в поле, а в дву по тому ж; сена 50 копен, да 50 слопцов, а перевесей нет» [3].*

Деревянная церковь Св.Георгия (писцы уточняют – «теплая, клетски», т.е. отапливаемая, срубленная в виде четырехстенной избы-клети), построенная и содержащаяся на средства общины (мира), рядом с ней дворы священника, дьячка и пономаря да вокруг еще шесть крестьянских дворов, стоящих «врозни» (беспорядочно) – вот и

* Четь (четверть) и осьмина – меры площади. 1 десятина = 2 четвертям = 4 осьминам = 1,09 га. В конце XVI в. основная единица налогообложения – соха – в Яренском уезде равнялась 125 четвертям «средней» или 150 четвертям «худой» земли. Размер надела «2 чети в поле, а в дву по тому ж» означает, что семья имела три поля (т.е. применяла трехполье) по 2 четверти, а всего 6 четвертей.

** Слопцы и перевеси – охотничьи орудия. Слопец – самолов давящего типа на боровую дичь, перевесья – подъемные сети на птиц. Охотничьи орудия служили единицей налогообложения.

весь Усть-Сысольск конца XVI века. Из этого описания мы узнаем первые фамилии устьсысольцев – Вежов и Макарьин (а от прозвища Зарбай, возможно, произошла фамилия Забоев). Земельные наделы жителей погоста были невелики, да и земли эти были не слишком плодородными («средние»), так что особым достатком устьсысольцев не отличались. Церковный причт, кроме земельного надела, имел в пользовании озеро Койты, пожертвованное ему семьей сысольского сотника Федора Ивановича. Всего одна семья имела большое количество охотничьих орудий (50 слопцов), но, разумеется, охотой и рыбной ловлей промышляли все жители погоста.

Для того времени Усть-Сысольск вовсе не был таким уж маленьким и рядовым поселением. Погост был центром «гнезда» приписанных к нему небольших поселений***. В погост-округ Усть-Сысольск, кроме погоста-поселения, входили слобода, 4 деревни и 14 починков, а также 2 необитаемых починка**** и 4 пустоши. В общей сложности в 19 поселениях насчитывалось 45 жилых и 10 пустых дворов. По числу поселений и дворов Усть-Сысольск – вполне типичный погост – округ Сысольской волости. Но погост в устье Сысолы – единственный, где число починков было больше, и значительно, числа деревень. Это может означать только то, что берега Вычегды в районе впадения в нее Сысолы были заселены относительно недавно и продолжали активно осваиваться переселенцами.

На это указывает и обширность территории Усть-Сысольского погоста-округа. Условно ее можно разделить на два поселенческих «пояса». Рядом с погостом (на территории современного Сыктывара) располагались 9 починков и деревня Петровская с починком Фроловским. В отрыве от этого поселенческого «гнезда», уже на Вычегде, находились слободка Шуигина (будущая деревня Слобода на месте современной Эжвы), починки Верхний Зеленец и «другой Зеленец» с починком Левки Данилова, деревни Парчега (совр. Парчег) и Часовая (совр. Часово), починки Пезянь (совр. Пезмог), Мачга (совр. Маджа) и 4 пустоши. Таким образом, кроме земель в устье Сысолы, округ включал значительную часть средней Вычегды и являлся самым обширным в Сысольской волости. На Вычегде его границы с одной стороны «упирались» в земли, относящиеся к «Яренску с уездом» (погост Палевицы), с другой – в незаселенные территории (починок Пезмог был самым восточным вычегодским поселением).

К тому же Усть-Сысольск был центром прихода (его границы совпадали с границами округа), а таких в Сысольской волости было всего семь. Показательно, что в вычегодской части прихода, из-за удаленности, слабо связанной с храмом и погостом, были две часовни – в Зеленце и Пар-

*** Слово «погост» в то время употреблялось в двух значениях – погост-поселение с церковью и погост-округ, т.е. административно-территориальная единица.

**** Починок – недавно образованное поселение, как правило однодворное.

че. В других приходах Сысольской волости в то время часовен не было. Скорее всего, эти часовни были центрами «часовенных приходов», столь характерных для малонаселенного Поморья XV–XVII веков и обладавших определенной автономией в рамках прихода [4]. Наличие «часовенных приходов» указывает на некую «искусственность», «временность» включения вычегодских селений в состав Усть-Сысольского прихода и округа до складывания в этом районе достаточно развитой сети поселений.

Проходили десятилетия, рос Усть-Сысольск. Вернее, сам погост почти не увеличился. В писцовой книге 1608 году были записаны 4 церковных (к дворам священника, дьячка и пономаря прибавился двор проскурницы Антонины) и 9 крестьянских дворов. Переписная книга 1646 года и вовсе зафиксировала уменьшение усть-сысольских хозяйств – на погосте насчитывалось 4 церковных и 8 крестьянских дворов, а в них 23 жителя «мужеского» пола, да 6 дворов стояли пустыми – кто умер, не оставив наследников, кто подался в Яренск, Вятку, а то и в Сибирь. Зато церковью стало две – к теплой Георгиевской прибавилась холодная Троицкая.

А вот население Усть-Сысольского округа выросло. В 1608 году в слободке, трех деревнях и пятнадцати починках насчитывалось 57 жилых дворов. К середине XVI века бывшие починки становятся деревнями – писцы, проводившие перепись 1646 года, насчитали 24 (кроме того, две деревни были необитаемы). Но общее количество дворов почти не увеличилось – их было 64. И проживали в них 137 мужчин, так что все население, вероятно, не превышало 300 человек. Правда, надо иметь в виду, что от Усть-Сысольска «откололся» Зеленец, ставший самостоятельным погостом. Во всех деревнях насчитывалось 30 необитаемых дворов. Несколько семей переселились в Сибирь и другие места, но большинство дворов обезлюдело по другой причине – хозяин «умер, а жены и детей не осталось». Это печальный итог нескольких неурожайных лет и связанного с ними голода.

И вот идет 1678 год, почти столетие минуло с первого известного нам описания погоста «на устье Сысолы реки». Составлена новая писцовая книга Яренского уезда. Оказалось, что погост как был маленьким поселением, так и остался. На самом погосте около Троицкой церкви (Георгиевская в книге не упоминается – вероятно, она сгорела) – все те же 4 двора священноцерковнослужителей и всего 7 крестьянских дворов. Все мужское население погоста – 38 человек. А округа усть-сысольская медленно, но непрерывно росла. В 23 деревнях насчитывалось 68 жилых и 6 пустых дворов, а мужского населения – 174 человека [5].

И все же именно конец XVII века стал переломным временем в судьбе Усть-Сысольского погоста. Он начинает быстро расти. Этому способствовали несколько обстоятельств. В середине XVII века начинается активное заселение верхней Вычегды, наконец-то избавившейся от опас-

ности военных набегов сибирских народов. Основной поток переселенцев с нижней Вычегды и верхней Сысолы шел через Усть-Сысольск, причем часть переселенцев оседала в окрестностях погоста в устье Сысолы. В этот район переселялись и жители Вишеры и средней Вычегды.

В конце XVII века правительство решило закрыть старинный торговый путь в Сибирь, шедший из Вологды через Великий Устюг, Яренск, Усть-Вымь, Турью, Ижму, а оттуда по Печоре и ее притокам за Урал. Теперь основной торговый путь проходил южнее Коми края, через Пермские земли, но в то же время возрос поток грузов, идущих по Вычегде и Сыsole в Прикамье, а оттуда в сибирские города. Усть-Сысольск становится заметным центром транзитной торговли. Через него идет снабжение хлебом северных районов, вывозится пушнина, сероговская соль, точильный камень. Между 1678 и 1683 годами в Усть-Сысольске открывается таможня. И в это же время начинает действовать торжок, переросший в крупнейшую в крае Георгиевскую ярмарку.

Повышается и административный статус Усть-Сысольска, что является и отражением роста его экономического значения, и фактором, «притягивающим» новых переселенцев. К 1672 году Сысольская земля окончательно разделяется на Верховскую (с верховьев до погоста Межадор) и Низовскую (с погоста Ыб до Усть-Сысольска с округом) трети, а последняя, в свою очередь, к 1684 году разделилась на две (старую и новую). Центром новой Низовской трети как раз и стал Усть-Сысольск. Теперь под его началом находились, кроме Усть-Сысольского, Зеленецкий и Вильгортский погосты-округа (был еще и Шошинский погост, но в 1691 году его вернули в старую Низовскую треть) [6].

Повествуя о превращении Усть-Сысольска в заметный торговый и административный центр, не обойтись без рассказа об одной из усть-сысольских семей. В писцовой книге 1608 года упомянут некий «Федька Бес да дети ево Калинка да Давыдка средние» (то есть это была средняя по достатку крестьянская семья). От этого самого Федора Беса, точнее от сына его Давыда, вероятно носившего прозвище Сухан, пошла самая известная и богатая в погосте «на устье Сысолы реки» торговая семья Сухановых. В 1646 году на погосте проживал «Стефанко Давыдов сын Суханов з братом с Левкою да с сыном с Самойлком». Сам Давыд, вероятно, к этому времени умер, а двор его брата «Калинки Федорова сына, прозвище Бесова» стоял пустым, поскольку его владелец в 1640 году «сшел в Сибирь, жены и детей не осталось». Но не пропал в Сибири Калина Федорович, вернулся в родной погост, успел и жениться, и детьми обзавестись. В 1678 году на погосте проживал «Филька Калинин сын Бесов» с племянником и сыном Гришкой. От сына Калины Федоровича пошла фамилия Калининных. А семейство Сухановых разделилось. В пригородной деревне Потаповской жил «Самошка Степанов сын Суханов» с сыновьями Ивашкой, Митькой и Федькой, а в деревне Каменной – его дядя

«Левка Давыдов сын Суханов» со взрослыми сыновьями Баженкой, Стахейкой («оба в возрасте») и девятилетним Мишкой. У Бажена был сын Афонька, а у Евстафия (Стахея) – Ивашка.

Вот этот Леонтий (Левка) Давыдович и был основателем «торгового дома» Сухановых. Причем он не только занимался торговой деятельностью, но и прибирал к рукам земли, постепенно расширяя свои родовые угодья. Еще в 40-е годы XVII века братья Степан и Леонтий пытались захватить землю, которой владел яренчанин П.Ф. Попов. И по деревне Каменной Суханов числился не случайно, поскольку здесь он владел пашней умершего крестьянина Чиромова.

Полноправным партнером отца, наследовавшим и расширившим его дело, был тогда еще молодой старший сын Бажен (Леонтий)* Леонтьевич Суханов. Он скупал пушнину в верхневыхгодских и сысольских волостях и вывозил ее на рынки Великого Устюга, Москвы и других городов, торговал хлебом, поставлял в сысольские волости промышленные товары из центральных районов России. Сын Бажена Афанасий в 1696 году ездил торговать сукном, полотном и шелком на Ирбитскую ярмарку. В 1682 году Бажен берет в аренду речку, три озера и земли вокруг них, прибирает к рукам земли крестьян-должников, существенно расширяя семейный «сельскохозяйственный и рыболовный бизнес».

Богатые Сухановы стали самым влиятельным семейством в Усть-Сысольске, и не только в экономическом отношении, как это часто бывает, произошло «сращивание капитала и власти». С середины 70-х годов XVII века Бажен Суханов постоянно занимал посты волостного целовальника и посыльщика, отвозившего податные деньги в Новгородский приказ. Как посыльщик и челобитчик от Сысольской земли он часто бывал в Москве, заводя там нужные знакомства. Вероятно, эти связи помогли Сухановым добиться разделения Сысольской земли на Верховскую и Низовскую трети и выделения из последней части с центром в Усть-Сысольске. А уж здесь они могли диктовать свою волю и занимать любые посты. Тот же Бажен Суханов вскоре стал земским судьей, по существу первым лицом в Усть-Сысольской части Низовской трети, и без затей называл себя «князем». Между прочим эти «князья Усть-Сысольские» не относились к купеческому сословию, а числились в чернососных крестьянах [7].

Старшие Сухановы купцами так и не стали, а вот сыновья Бажена Афанасий, Евстафий, Андрей и Иван в 1723 году были приписаны к купеческому сословию. Только записаны они были в купцы Яренска, а не Усть-Сысольска. Дело в том, что Яренск был городом, а Усть-Сысольск и после многочисленных административных реформ Петра I оставался погостом-волостным центром (трети давно были упразднены), входившим в

* Вероятно, он был крещен с именем Леонтий, поскольку имени Бажен в Святцах нет.

Яренский уезд (дистрикт)**. Купечество же – сословие городское, к селу купцы не могли быть приписаны. Скорее всего, некоторые из Сухановых и обосновались в Яренске, но часть, как и раньше, жила в Усть-Сысольске, где были сосредоточены торговые интересы всей семьи.

Сухановы по-прежнему были фактическими хозяевами погоста. Они расширяли свое торговое дело, завели винокурный завод на речке Човью, увеличивали свои земельные владения. На них работали и крестьяне-половники*** и наемные рабочие. Двор Сухановых в Усть-Сысольске представлял из себя настоящую крепость, в которой, помимо продовольственных запасов, товарных складов, имелся целый арсенал, включавший более 40 ружей и три пушки. Когда в 1739 году «воровские люди» осадили двор Сухановых, те встретили их ружейным огнем. «Лихие люди» двор подожгли и разграбили (в челобитной на имя императрицы Анны Иоанновны Елисей Суханов подробно перечислил все потери, свидетельствующие о богатстве семейства). От побоев умер отец Елисея Иван Афанасьевич, а его дядя Петр Афанасьевич Суханов «лежал при смерти» (однако выжил). В огне пожара погибли дочери Петра Афанасьевича Любава и Александра, сын бурмистра Исак Чукомин, бобыль купецкого человека Софрона Шешукова Константин Маюров, домовые люди Сухановых Евфимия Мальцева и Семен Остапов [8].

Но даже эти огромные потери не смогли поколебать могущества и влияния «зырянских князьков» Сухановых. Об их возможностях и амбициях говорит, в частности, такой факт: по инициативе и на деньги Сухановых в Усть-Сысольске в 30-е годы XVIII века была построена каменная Покровская церковь, ставшая второй каменной постройкой в Коми крае. Наверняка без их финансовой поддержки не обошлось и строительство второй каменной церкви – Троицкой. В то время в Коми крае, кроме Усть-Сысольска, каменные церкви были только в Усть-Выми, но это и понятно – Усть-Вымь являлась «православной столицей» края, местом, связанным с жизнью крестителя зырян св. Стефана Пермского, там находилась гробница почитаемых святителей Пермских Герасима, Питирима и Ионы [9].

А Усть-Сысольск в XVIII веке становится крупным по масштабам Коми края поселением. В 1707 году в погосте-волости числилось 140 дворов, в 1710 году – 161 двор, а население перевалило за 1 тыс. человек. В 1720 году только на самом погосте были учтены 3 церковных, 38 жилых крестьянских, 33 бобыльских дворов, 6 изб нищих, 3 двора Сухановых и 2 двора их половников, двора таможенного чиновника и мельника, а всего

** По административной реформе Яренский уезд вошел в Сибирскую губернию. В 1719 году губернии были разделены на провинции, а уезды стали именоваться дистриктами. Яренский дистрикт входил в состав Великоустюжской провинции Архангельской губернии. В 1727 году дистрикты опять стали уездами.

*** Половники – крестьяне, работавшие на владельца земли за часть урожая.

87 дворов. В 1747 году численность только мужского населения Усть-Сысольской волости составляла 1105, из них в самом погосте – 736 человек. На 1763 год в погосте проживали 1439 человек (691 мужчина и 748 женщин), в других населенных пунктах волости – 795 человек [10]. В 1772 году в Усть-Сысольске побывал тогда еще молодой ученый Иван Иванович Лепехин, совершавший по заданию Академии наук обследование европейского севера России*. В своих дневниковых («дневных») записках он оставил краткое описание Усть-Сысольского погоста, заслуживающее внимание уже тем, что это первый рассказ о будущем городе:

«Через Вильгарский погост... в славную приехали зырянскую селитьбу, Устьсысольским погостом называемую. Да и поистине, село сие у зырян в особливом почтении. Оно построено было в трех верстах от устья реки Сысолы. Дома в нем отменнее пред другими селами, и построены две каменные изрядные церкви, одна во имя живоначальной Троицы, а другая Покрова пресвятыя Богородицы.

Не храмы сии вперяли у зырян почтение к сей селитьбе, но живущие в нем богачи, Сухановы прозываемые, которые и сами произошли от зырянского племени. Проворство их в торговле обогатило их и сделало зырянскими князьками. Каждый зырянин составляет их как бы природного крестьянина, и все его стяжание почти надлежит Сухановым. Они их задатчивают на хлеб и на звериные промыслы и после обирают все их житье-бытье-богачество. Если где увидишь лучшие нивы в ближайших селениях к Усть-Сыsole и спросишь, кому они принадлежат, отвечают: Сухановым; если где пасутся стада, стада надлежат Сухановым; да и бывший на Печоре зырянский промысел в добывании точильного камня ныне надлежит Сухановым.

*Зырянские сии господа хотя записаны в число великоустюжского купечества**, однако живут в сем отдаленном месте от города, и страх, который они почасту претерпевают от наезду разбойников, не может преодолеть их вкоренившегося над зырянами господствования. Сему страху так они*

* ЛЕПЕХИН ИВАН ИВАНОВИЧ (1740–1802) – выдающийся русский ученый-энциклопедист, академик (с 1873 г. первый непреременный секретарь Российской академии). Автор работ по ботанике, зоологии, русской словесности и др. В 1768–1772 гг. руководил академической экспедицией по исследованию Поволжья, Урала и Европейского Севера, во время которой в 1772 г. посетил Коми край. Описание экспедиции опубликовал в «Дневных записках путешествия... по разным провинциям Российского государства» (Т.1, 1771, Т.2, 1772, Т.3, 1780, Т.4, 1805). Описание путешествия по Коми краю – в четвертом томе.

** Лепехин ошибочно назвал Сухановых великоустюжскими купцами, вероятно, полагая, что они приписаны к купечеству провинциального города. Сухановы были приписаны к купечеству уездного города Яренска.

подвержены, что и малолюдный мой приезд наделал им много сует, и я с великим трудом мог добиться, чтобы допущену быть пред лицо сего зырянина и уверить его письменными свидетельствами о наложенной на меня должности, которая зырянину казалась непонятною...

Сколь вредны вообще и сколь тягостны для крестьянина такие посторонние помещики и не по своим местам живущие промышленники, всяк удобно видит...

Таким образом кончили мы реку Сысолу, которая... в трех верстах пониже села Усть-Сысолы соединяется с Вычегдою. Противу устья реки Сысолы с правую сторону в Вычегду впадает река Дырнас, на которой заведены мучные мельницы, принадлежащие вышеупомянутым Сухановым» [11].

Судя по описанию, Усть-Сысольск Ивану Лепехину понравился. Он назвал его «славной зырянской селитьбой», отметил, что и дома в нем «отменнее перед другими селениями», и каменные храмы есть. Подчеркнул и значение Усть-Сысольска – это село «у зырян в особливом почтении». Но совершенно справедливо связал это «почтение» с Сухановыми, которых он назвал «зырянскими князьками» и к деятельности которых относился без одобрения, считая ее пагубной для местных крестьян.

И все-таки Лепехин назвал Усть-Сысольск именно «селитьбой» (селом). А вот об Усть-Выми, которую он посетил позднее, он отозвался так: «Усть-Вымская слобода как своим пространством, так и великолепием церквей может равняться со многими небольшими городами». А ведь Усть-Вымь была намного меньше Усть-Сысольска – в ней было 50 домов и 360 ревизских душ.

Усть-Сысольск, несмотря на то, что являлся одним из самых больших поселений Коми края, был украшен каменными храмами, по сути являлся сельским поселением, «городского в нем было мало». Он как был, так и оставался волостным центром. И вряд ли, несмотря на все усилия Сухановых, «славная зырянская селитьба» смогла бы «саморазвиться» в город. Но в судьбу погоста, как это нередко бывает, вмешался случай. И «случаем» этим стала матушка императрица Екатерина Великая, впрочем, вряд ли подозревавшая, что среди ее владений есть и погост «на устье реки Сысолы».

1.2. Усть-Сысольск становится городом

Сложившаяся в начале XVIII века система административного деления новорожденной Российской империи была, как и многое из того, что делал Петр I, «сырой», не до конца продуманной. Огромные губернии было плохо управляемыми, а система органов управления – весьма запутанной. На протяжении нескольких десятилетий система административного деления и управления понемногу изменялась (и не всегда в лучшую сто-

рону), но было очевидно, что она нуждается в реформировании.

7 ноября 1775 года императрица Екатерина II изволила подписать «Учреждение для управления губерний Всероссийской империи» (последние три главы этого документа утверждены в 1780 году), тем самым положив начало реформе административного деления и местного управления. Причина реформы объяснена предельно ясно: «по великой обширности некоторых губерний оные недостаточно снабжены как правительствами, так и надобными для управления людьми».

Для удобства управления обширной Российской империей основная административная единица – губерния – была сделана более мелкой и «стандартизированной»: «дабы губерния, или наместничество, порядочно могла быть управляема, полагается в оной от трех до четырех сот тысяч душ». Губернии, как и ранее, делились на провинции (их выделение было необязательным – в законе сказано: «буде нужда того требует») и уезды, но теперь и уезды были «приведены к общему знаменателю» – «в уезде или округе считается от двадцати до тридцати тысяч душ» [12]. Причем при делении на губернии географические, исторические и этнические особенности регионов во внимание не принимались.

Реорганизация административного деления проводилась постепенно. В итоге число губерний было увеличено с 23 до 40 (а несколько позднее и до 51), а количество уездов – более чем вдвое. Как следствие этих изменений в России резко повысился уровень урбанизации, поскольку уездные центры автоматически получали городской статус (впоследствии были исключения, но они только подчеркивали правило). За десять лет, прошедших после подписания указа, в России, по подсчетам самой Екатерины II, появилось 216 новых городов (всего в конце XVIII века в империи числилось 673 города) [13]. Одним из этих новых городов и стала «славная зырянская селитьба» Усть-Сысольск.

Образование новых губерний и уездов проходило постепенно. Усть-Сысольску пришлось ждать своей очереди пять лет. Заняться административным устройством российского Европейского Севера Екатерина поручила одному из видных сановников Алексею Петровичу Мельгунову, человеку незаурядного ума, хорошо образованному, меценату, с 1777 года занимавшему пост ярославского генерал-губернатора*. Деятельный

* МЕЛЬГУНОВ АЛЕКСЕЙ ПЕТРОВИЧ (1722–1788) – крупный государственный и общественный деятель в царствование Елизаветы I, Петра III и Екатерины II. Выпускник Сухопутного кадетского шляхетского корпуса, в 1756–1761 гг. – его директор. Один из любимцев императора Петра III, произведен им в звание генерал-поручика и назначенный членом Особого собрания при императоре. В 1764 г. назначен генерал-губернатором Новгородской губернии, в 1765 г. стал сенатором и президентом Камер-коллегии. В 1777 г. в чине действительного тайного советника назначен генерал-губернатором Ярославской губернии, с 1780 г. и до своей смерти управлял также и Вологодской губернией.

Мельгунов в 1779 году лично объехал северные земли, собрав обширную информацию о населении и экономике края. Им лично были намечены границы новых уездов и села, которые предполагалось сделать уездными центрами и возвести в ранг городов [14]. Разукрупнению подлежал и Яренский уезд, один из самых больших. Его восточную часть было решено выделить в новый уезд. Нам неведомо, сам ли Мельгунов определил новую уездную «столицу», сыграли ли свою роль Сухановы (наверное, без них не обошлось), но в качестве таковой закономерно был выбран Усть-Сысольск – самый большой и процветающий погост на территории нового уезда.

Датой основания города Усть-Сысольска, равно как и еще более чем десятка городов, по праву считается 25 января 1780 года, когда императрица Екатерина II подписала именной указ, данный Сенату, «Об учреждении Вологодской губернии и переименовании некоторых селений городами»:

«Всемилоостивейше повелеваем Нашему Действительному Тайному Советнику, Ярославскому и Вологодскому Генерал-Губернатору Мельгунову, по изданном от Нас в 7 день Ноября 1775 года Учреждением для управления Губерний Империи Нашей, в следующем Июне месяце сего года равномерно исполнить и в Вологодской Губернии, составя сие новое Наместничество по приложенному при сем расписанию, в разсуждении пространства Губернии, из трех областей, или Провинций, то есть: Вологодской, Великоустюжской и Архангельской, состоящих из 19 уездов; в первой быть Губернскому, а в последних двух Областному Правлению; все сии области составить из следующих городов с их уездами, а именно: к Вологодской принадлежать будут 5 городов: Вологда, Тотьма, Велеск [Вельск], Грязовец и Кадников; к Великоустюжской 7: Устюг Великий, Соль-Вычегодская, Яренск, Лальск, Никольск, Красноборск и Усть-Сысольск; к Архангельской 7: Архангельск, Шенкурск, Пинега, Мезень, Кола, Онега и какое Генерал-Губернатор по лучшей удобности назначит быть городом. В следствии чего все те селения, в коих городам быть назначено, переименовать городами, и все города учредить на основании новых городов Новгородской Губернии; а в прочем назначение границ сего Наместничества с прикосновенными ему представляем на соглашение Генералов-Губернаторов и правящих ту должность, о которм, так как и о числе душ, сколько куда приписано, или к другим отчислено будет, имеют они донести Нашему Сенату...» [15].

Как и было указано императрицей, к лету вся подготовительная административная работа по образованию новой губернии (наместничества) была закончена, чиновники губернского ранга назначены. 30 июня 1780 года в Вологде в присут-

ствии самого А.П.Мельгунова состоялось торжественное открытие Вологодского наместничества, сопровождавшееся «балами, концертами, маскарадами и комедиями». Затем генерал-губернатор отправился в Архангельск, чтобы присутствовать на открытии Архангельской области. Новый областной центр Великий Устюг он своим высоким вниманием не почтил.

После губернского и областных центров настала очередь и уездных городов. «Открытие» Усть-Сысольского уезда и нового города Усть-Сысольска состоялось 10 сентября 1780 года. После молебна в теперь уже городском Троицком соборе, где представителем Вологодского генерал-губернатора Жеребцовым (впоследствии – Вологодским прокурором) и был зачитан указ об образовании города и уезда, состоялся праздничный обед для «именитых горожан» в огромном двухэтажном доме Сухановых, лучшим и самом «поместительном» во всем Усть-Сысольске [16]. Официальные торжества завершились пальбой из маленьких мортир (надо полагать, также предоставленных главными распорядителями торжеств Сухановыми), установленными на соборной площади.

Правда, вскоре административное устройство северных земель претерпело очередную реорганизацию. Уже в 1784 году Архангельская область была выделена в самостоятельное наместничество, а Архангельску возвращена роль губернского центра. В 1796 году Павел I «поправил» матушкину реформу, переименовав все наместничества, в том числе и Вологодское, в губернии. Провинции (области), и в их числе Великоустюжская, были упразднены. Усть-Сысольск из уездного центра Великоустюжской провинции Вологодского наместничества превратился в уездный город Вологодской губернии. Но на его судьбе эти чисто формальные изменения никак не отразились. Территория уезда в 1796 году даже несколько увеличилась – в связи с ликвидацией Лальского уезда в состав Усть-Сысольского уезда были включены территории верхней Лузы и верхней Летки. После этого границы Усть-Сысольского уезда почти не менялись вплоть до его ликвидации в начале 20-х годов XX века.

Усть-Сысольский уезд был самым большим в Вологодской губернии. Его площадь равнялась 137 (в конце XIX века – 148,7) тыс. кв. верст, что составляло почти 40% губернской территории. Территория уезда включала земли части средней и верхней Вычегды, верхней Печоры, Сысолы, верхней Лузы и верхней Летки. В 1784 году на территории Усть-Сысольского уезда помещались, кроме уездного города, 3 заводских поселка, 28 сел и 184 деревни. Почти все население составляли коми (это вообще был единственный уезд с преобладанием коми населения). В Усть-Сысольском уезде проживало более половины всех коми Российской империи (по данным переписи 1897 года, например, – 54%) [17]. Так что Усть-Сысольск имел достаточно оснований для того, чтобы гордо именоваться «столицей зырянского края».



Герб Усть-Сысольска

Преобразование поселения в город, тем более уездный центр, влекло за собой целый ряд мероприятий, долженствующих соответственно оформить его новый статус. «Учреждение для управления губерний» 1775 года определило состав органов уездного и городского управления (о них еще пойдет речь). Разумеется, все они в кратчайшее время были сформированы и в Усть-Сысольске – не могут же город и уезд находиться вне государственного управления.

Усть-Сысольск еще не успел толком освоиться в городском качестве, когда Екатерина II подписала документ, во многом изменивший жизнь российских городов, определивший их статус и систему управления почти на столетие. Имеется в виду «Грамота на права и выгоды городам Российской империи» («Жалованная грамота городам»), утвержденная императрицей 21 апреля 1785 года. В 178 статье «Жалованной грамоты городам» подробно расписывались правила застройки городов, их права и обязанности по организации торговли и развития образования, состав и функции административных учреждений. Указывалось, кто может быть отнесен к горожанам вообще и к определенному сословию в частности, как должна вестись их регистрация, какие у них имеются права на владение собственностью и ведение торгово-предпринимательской деятельности, привилегии по уплате податей и несению повинностей и многое другое [18]. Одним словом, это была своеобразная «городская конституция», к которой мы поневоле будем неоднократно обращаться в своем повествовании об истории Усть-Сысольска.

Важнейшим мероприятием, долженствующим подчеркнуть новый городской статус поселения, было присвоение ему герба (села таковой не был положен). В то время для России городской герб был явлением относительно новым, хотя он и имел прототипы в средневековых эмблемах на городских печатях. Основы городского герба были заложены при Петре I. По его распоряжению в 1722 году была создана подведомственная Сенату Герольдмейстерская контора (с 1763 года – Герольдия при Сенате), на которую, в числе прочих, и были возложены обязанности по составлению новых гербов.

В «Учреждении для управления губерний» специально не оговаривалось, что все города обязательно должны иметь гербы. Но, по-видимому,

неофициально этот вопрос уже был решен – свои символы должны были получить как новые, так и старые города, до тех пор не имевшие гербов. В 1785 году это положение уже было официально закреплено в «Грамоте на права и выгоды городам Российской империи» (ст. 28): «Городу иметь герб, утвержденный рукою Императорского Величества и оный герб употреблять во всех городских делах», а «обществу градскому дозволяется иметь печать с городским гербом». Герб окончательно стал символом города.

В 70–80-х годах XVIII века Герольдия трудилась в поте лица. Еще бы! Ей предстояло в срочном порядке создать более четырехсот новых городских гербов. Работа была поставлена на поток. С 1771 года ею руководил знающий герольдмейстер М.М.Щербатов, которого в 1777 году сменил А.А.Волков. Именно Волков и руководил созданием городских гербов Вологодского наместничества. При нем помощником герольдмейстера фон Энденом была введена в практику форма русского городского герба, не совсем соответствующая геральдическим традициям: гербовый щит делился на две части – в верхней помещался наместнический герб (герб наместнического города) или его часть, в нижней – собственно городской герб. По такому принципу Волков и составлял новые городские эмблемы. Исключение делалось только для «старых» городов, уже имевших свои гербы [19].

Вологодское наместничество получило городские гербы уже через восемь месяцев после императорского указа о его образовании. А Усть-Сысольск и вовсе всего месяц после своего «открытия» оставался без городского символа. 2 октября 1780 г. Сенат представил Екатерине II доклад «О гербах городам Вологодского наместничества», каковой и был императрицей утвержден:

«По Именному Вашего Императорского Величества Указу, Вологодская Провинция учреждена Наместничеством, и по оному приспаны города; но как из некоторые по новому их учреждению гербов не имели, то в следствии сего, по приказанию Сената, правящим должность Герольдмейстера, Действительным Статским Советником Волковым, городам, сие Наместничество составляющим, гербы, кои уже были прежде, те собраны, а учрежденным ныне городам сочинены вновь и представлены с описанием их Сенату. При сочинении же оных за правило постановлено, чтоб во всяком гербе Вологодского Наместничества в щите была часть из герба Наместнического города, по примеру прежде уже апробованных Вашим Императорским Величеством гербов, как то красками в оных и означено.

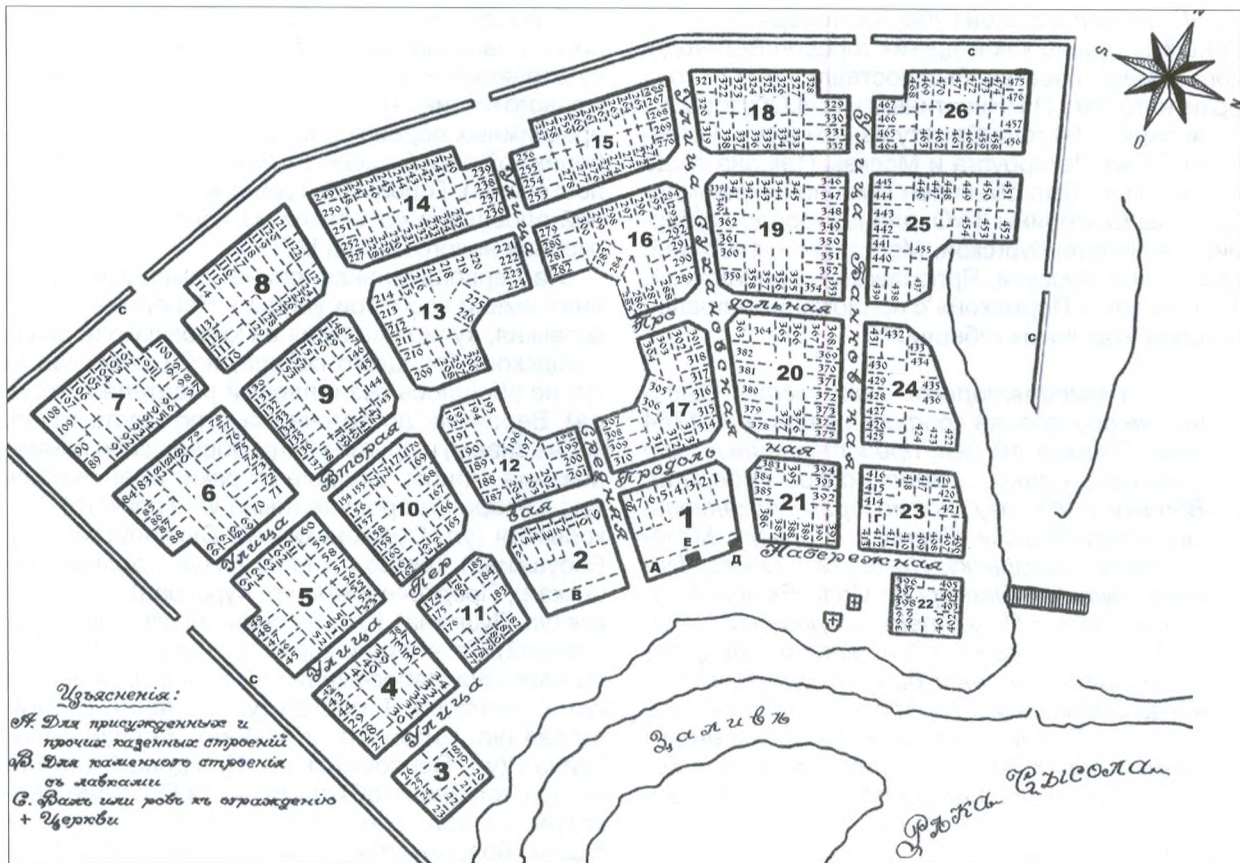
Сенат, рассмотрев, осмеливается всеподданнейше представить оные на Высочайшую Вашего Императорского Величества конфирмацию, и просит Высочайшего указа» [20].

К докладу было приложено «Описание гербам Вологодского Наместничества» с чертежами и рисунками. Гербы Вологды, Архангельска и Великого Устюга как «старые» не были разделены на две части (вологодский – еще и потому, что был наместническим), а остальные были составлены по новому принципу, о чем и сказано в докладе Сената. В верхней (первой) части геральдического щита помещался герб города Вологды: «в красном поле щита видна выходящая из облака рука, держащая золотую державу с серебряным мечем»*. В нижней (второй) составители поместили собственно городской герб.

В работе над собственно городскими гербами новых городов Вологодского наместничества составители особо не мудрствовали (на размышления времени не было, да и вряд ли они хорошо знали особенности природы, экономики, быта той территории, для которой сочиняли гербы), в основном используя предметы, которые, по их мнению, отражали либо название города, либо основные занятия его жителей. Так, на гербе города Кадникова изображена «кадка, наполненная смолою...», означающая имя сего города; а наполнена смолою для того, что жители сего города и всего уезда оною производят знатный торг» (заметим, что название города с кадкой никак не связано), Сольвычегодска – «две ступки соли», Краснборска – «две красного цвета сосны» и т.д. Вероятно, самый отдаленный город наместничества Усть-Сысольск ассоциировался у составителей с «медвежьим углом», а посему «столица зырянского края» удостоилась такой эмблемы: «Медведь, лежащий в берлоге в голубом поле. В знак того, что такого рода зверей в окрестностях сего города находится довольно».

Согласно «Учреждению для управления губерний» города являлись самостоятельными административными единицами со своей территорией и управлением, на эту территорию распространяющимся. Отведенная территория с городскими кварталами, дорогами, пашнями, лугами, лесами, реками и озерами была собственностью города, и горожане вынуждены были платить за ее использование. Границы территории Усть-Сысольска были окончательно установлены при Генеральном межевании 1784 года, по итогам которого был составлен документ с длинным названием «Ведомость сколь велико пространство по плану и межевой книге... заключается как в самом городе Усть-Сысольске месте так равно и около оною занято под какими угодами выгонной земли». «Жалованная грамота городам» закрепила право города на владение отведенной ему территорией (ст.2): «Городу подтверждаются правильно подлежащая по межевой инструкции или инако законно земли, сады, поля, пастбы, луга, реки, рыбные ловли, леса, рощи, кустарники, пустыне места, мельницы водяные или ветряные» [21].

* У городов Архангельской области уже в 1784 году, после образования Архангельского наместничества, естественно, поменялась верхняя часть герба – место вологодского занял архангельский герб.



План Усть-Сысольска 1784 г.

Всего городу было выделено 14292 десятины 1366 саженой земли*, из них «удобной» – 13628 десятин 658 саженой, «неудобной» – 664 десятин 1366 саженой. «Под поселением города Усть-Сысольска» находилось 546 десятин 2217 саженой, «под церквями и кладбищем» – 2310 саженой, под пашней – 782 десятины, сенокосами – 897 десятин, «под реками Вычегдою, Сысолой, озерами, заливами, речками и ручьями» – 394 десятины 2280 саженой, «лесу строевого и дровяного по суходолу» – 10179 десятин 711 саженой, «лесу строевого и дровяного по болоту» – 1222 десятины 100 саженой, «под большой столбовой дорогой» – 62 десятины 2250 саженой, под проселочными дорогами – 12 десятин 1800 саженой, остальное – под песками и болотами [22]. Разумеется, в дальнейшем состав городской территории менялся – с ростом численности населения расширилась заселенная площадь, увеличились пашенные и сенокосные земли, но ее границы оставались неизменными вплоть до 20-х годов XX века.

Для всех городов Российской империи в обязательном порядке разрабатывался и утверждался генеральный план застройки. Это правило, действовавшее и ранее, также было закреплено в «Жалованной грамоте городам» 1785 года (ст.1): «Город строить по утвержденному плану за под-

писанием руки Императорского величества». Кроме того, было приказано: «Каждый дом или иное строение, или место, или земля в городе да означается номером» [23].

Разработкой планов городов занималась Всероссийская комиссия строений в Петербурге. Первоначально она должна была составить планы застройки двух столиц, но вскоре в сферу ее деятельности вошли все российские города. Понятно, что работы ей, по той же причине, что и Герольдии, хватало. О том, в каком темпе шла работа, говорит хотя бы такой факт: планы городов Вологодского наместничества были утверждены в один день с городскими планами еще 8 губерний, в числе которых были Санкт-Петербургская и Московская. Понятно, что архитекторы «выездом на объект» себя не утруждали (они просто не могли этого сделать) и «планы городам» составляли «на глазок», по «примерным чертежам», руководствуясь принципом регулярности (прямолинейной застройки), примененным при строительстве Санкт-Петербурга. Исторически сложившаяся система заселения городской территории не учитывалась. Единственно, что принимали в расчет государевы архитекторы, так это особенности местности, «увязывая» планировку с реками, озерами, холмами и другими природными объектами.

* 1 десятина = 2400 кв. саженой = 1,09 га.

«План Вологодской Губернии города Усть-Сысольска», равно как и других городов Вологодского наместничества, был составлен в 1783 году архитекторами П.Р.Никитиным и П.И.Обуховым*. 16 января 1784 года Сенату из Комиссии о строении Санкт-Петербурга и Москвы (так она тогда называлась) был объявлен Именной указ императрицы Екатерины II «О планах городов губерний Санктпетербургской, Московской, Тверской, Орловской, Курской, Ярославской, Вологодской, Тобольской и Пермской» с приложением планов городов указанных губерний**:

«Ея Императорское Величество Высочайше соизволила подтвердить сего 1784 года Января 16 дня, представленные от Комиссии планы ...Вологодской Губернии, Великому Устюгу, Холмогорам, Архангельску, Красноборску, Яренску, Лальску, Мезени, Усть-Сысольску, Никольску, Онеге, Пинеге, Вельску, Шенкурску, Соли-Вычегодску, ... с которых Правительствующему Сенату Комиссия с сим представляет копии; фасады представлены были против прочих вновь строящихся городов; а ко исполнению по оным Всевысочайше подтвержденным планам такая же копии тех Губерний, к Генерал-Губернаторам и к правящим Генерал-Губернаторскую должность, из Комиссии препровождены» [24].

В Усть-Сысольске архитекторы спланировали 12 улиц, семь из которых прямыми лучами веером расходились от излучины Сысолы, а пять – пересекали их под прямым углом и шли параллельно реке. На пересечении центральных улиц была разбита главная городская площадь. Улицы образовывали 26 городских кварталов (каждый из них имел свой навсегда закрепленный номер), которые делились на плановые места. Количество плановых мест в кварталах колебалось

от 8 до 25, а всего их было 478 (впоследствии число плановых мест было увеличено). Для «присутственных и прочих казенных строений» и каменного гостиного двора отводились части самых престижных первого и второго кварталов на набережной реки Сысолы (эти здания так и не были построены). Городской Троицкий собор с соборной площадью «отъехал» из центра погоста на окраину нового города [25].

На первоначальном плане «именные названия» имели всего три улицы – Набережная, Покровская, «упиравшаяся» в Покровскую церковь городского Троицкого собора, и Сухановская (и тут не обошлось без «главный радетелей» города). Вероятно, достаточно быстро (когда точно, мы не знаем) и другие улицы обрели свои наименования. Улицы, шедшие от реки, именовались так: Северо-Загородная (ныне ул. Горького), Покровская (ул. Орджоникидзе), Сухановская (ул. Бабушкина), Трехсвятительская (ул. Коммунистическая), Предтеченская (ул. Куратова), Никольская (ул. Пушкина), Юго-Загородная (ул. Домны Каликовой). Те, что шли параллельно реке, получили названия Набережная (ул. Кирова), Спасская (ул. Советская), Троицкая (ул. Ленина), Георгиевская (ул. Интернациональная), Западно-Загородная (ул. Первомайская). Площадь была названа Стефановской в память о св. Стефане Пермском, «крестителе и просветителе зырян». Как видим, большинство улиц получили названия в честь православных святых и праздников. «Светские названия» имели только четыре улицы, причем три из них (окраинные) были названы по географическому признаку. Названия эти не менялись до 1918 года.

Вот теперь организационные мероприятия по оформлению статуса нового города можно было считать законченными. Территория выделена, герб и план имеются, начальников прислали. Новый город Усть-Сысольск зажил «городской жизнью».

* Подлинник плана, вероятно, не сохранился. Иначе зачем в 1871 году вологодский губернатор представил в техническо-строительный комитет МВД «на утверждение новый план на урегулирование и распространение г. Устьсысольска, составленный по случаю утраты Высочайше утвержденного в 1783 году плана на этот город», каковой и был Высочайше утвержден 31 декабря 1871 года. Копия была снята за несколько лет до этого (предположительно с ветхого, «утраченного» экземпляра) усть-сысольским уездным землемером П.Плоховым (см.: РГИА. Ф.1287. Оп.40. Д.288. Л.5; НА РК. Ф.273. Оп.2. Д.3)

** Пропущены названия городов других губерний, названных в указе.



Глава 2. УСТЬСЫСОЛЬЦЫ: КОЛЛЕКТИВНЫЙ ПОРТРЕТ

Первое знакомство с новым городом мы начнем с краткого рассказа о его населении. Именно по населению, его численности, занятиям характеризуют городские и сельские поселения, делят их на большие и малые, промышленные и сельскохозяйственные и т.д. Горожане возводят и украшают храмы, строят жилые дома и дворцы, общественные здания, школы и больницы, благоустраивают город, одним словом, создают его «материальный облик». И общественная, духовная жизнь города – это тоже горожане. А самые талантливые из них, отличившиеся в какой-либо области деятельности, могут прославить даже самый маленький и незавидный городишко на весь мир.

За полтора века сменилось как минимум пять поколений устьсысольцев. Сколько их всего было за это время? Наверное, не так уж и много – вряд ли более трех десятков тысяч. Но ведь каждый – и богатый купец, и скромный чиновник, и простой обыватель, в «поте лица добывающего хлеб свой», и калека-нищий – был «со своим норовом». Разумеется, о каждом рассказать невозможно, да и, к сожалению, о большинстве мы ничего не знаем. Но можно составить коллективный портрет горожан, используя данные о городском населении из многочисленных статистических справочников.

Учет населения в Российской империи был издавна налажен. В 1795, 1811, 1816, 1835, 1850, 1858 годах проводились ревизии, имевшие главной целью учет податного населения. С начала XIX века департамент полиции, а затем статистический комитет при МВД начали регулярно выпускать различные сборники статистических материалов как по Российской империи в целом, так и отдельно по городам. Пер-

вым из них было «Статистическое изображение городов и посадов Российской империи по 1825 год», а затем пошли и «Обозрение состояния городов Российской империи в 1833 году», и разновременные «Статистические таблицы о состоянии городов Российской империи», и «Статистические временники Российской империи», и «Списки населенных мест Российской империи». В 70-е годы XIX века такие сборники перестали издаваться. Но зато в 1897 году была проведена Первая Всеобщая перепись населения Российской империи, а в начале XX века изданы два подробнейших справочника «Города России в 1904 году» и «Города России в 1910 году». А еще есть отчеты городничих и органов городского самоуправления, церковная статистика (именно приходской священник вел метрические книги, где регистрировались рождения, браки, смерть горожан). Одним словом, источников более чем достаточно.

Конечно, к ним следует подходить осторожно. Как справедливо заметили составители «Статистических таблиц Российской империи за 1856 год», «что касается до самих источников, то есть до числовых данных, заключающихся в отчетах Начальников губерний, то, как по новости и недостаточности еще определительности у нас этих работ, так и по чрезвычайной обширности Империи, данные эти без сомнения, не представляют безусловной точности» [1]. К примеру, в одних справочниках учитывалось наличное, а в других – постоянное население, а это не одно и то же (в наличное население входили и временно проживающие в городе). Учетом замечание многоопытных статистиков и приступим к составлению статистического портрета устьсысольцев, снабдив его необходимыми пояснениями.

2.1. Устьсысольцы в зеркале статистики

Начнем с самого главного статистического показателя – численности населения. В 1784 году, вскоре после образования города, согласно «Экономическим примечаниям Генерального межевания по Усть-Сысольскому уезду», в Усть-Сысольске «налицо оказалось» 857 мужчин и 870 женщин, а всего 1727 человек, учтенных по последней ревизии 1782 года. На самом деле население Усть-Сысольска было немного больше – примерно 1,8 тыс. человек, поскольку в данном случае учтены только лица купеческого и мещанского звания. Сегодня их всех можно было бы расселить в одном городском квартале.

В дореформенный период население Усть-Сысольска увеличивалось очень медленно. В 1795 году в Усть-Сысольске проживали 1753, в 1825 – 2258, в 1835 – 2734, 1840 г. – 3085, в 1856 – 3093, в 1863 – 3477 человек [2]. Это приближенные данные, иногда весьма существенно отличающиеся от данных других источников*. Но и по ним можно подсчитать, что за 80 лет население города увеличилось примерно вдвое, то есть в среднем за год число устьсысольцев возрастало всего на 22 человека.

Можно с уверенностью сказать, что городское население увеличивалось в основном за счет естественного прироста. Он был не очень большим (рождаемость была высокой, но и смертность немалой), но все же больше, чем средний прирост населения. К примеру, в 1795 году родилось 103 ребенка (59 мальчиков и 44 девочки), а умерли 66 человек, в 1836 – соответственно 199 и 131, в 1839 – 202 и 160, 1856 – 214 и 130, в 1859 – 291 и 180 человек [3]. Кстати говоря, в XVIII – первой трети XIX веков естественный прирост служил основным источником пополнения населения во всех российских городах.

Куда же подевался «лишний» прирост? Трудно сказать, поскольку в первой половине XIX века статистика практически не занималась миграцией. Можно лишь предположить, что сальдо миграции было отрицательным (выезжало больше, чем приезжало). Какая-то небольшая часть горожан ежегодно навсегда уезжали из Усть-Сысольска. В их числе рекруты (после 25 лет службы мало кто возвращался домой), чиновники, вышедшие в отставку или переведенные на другое место службы (на их место приезжали новые, в основном молодые, а уезжали-то уже обремененные семьями), дети священников и служащих, уезжавшие учиться, некоторые мещане, перебивавшиеся на заработки в другие города (к примеру, коми девушки уезжали в Петербург наниматься в прислугу).

* По ревизским сказкам, численность населения была меньшей, поскольку не учитывались дворяне и церковнослужители, а некоторые из представителей податных сословий уклонялись от «почетной» обязанности быть переписанными. Клировые ведомости приводили большую численность населения, поскольку в них отражалась численность прихожан, а в городской приход входили и некоторые сельские поселения.

Приток же нового населения в город был минимальным. «Прибавка» происходила разве что за счет осевших в Усть-Сысольске отставных нижних чинов (солдат). Переездов из одного города в другой практически не было (исключение составляли немногочисленные чиновники и другие государственные служащие, которых могли в приказном порядке переводить с одного места службы на другое). Мещане и купцы из других городов в Усть-Сысольск не стремились – чем он был лучше их мест обитания? К тому же правительство ограничивало миграцию введением очень жестких правил «переписки» представителей этих сословий из одного городского общества в другое – нужно было собрать множество разрешительных бумаг и рассчитаться со всеми долгами по городским выплатам.

Положительное сальдо миграции могли бы обеспечить перебравшиеся в город крестьяне, но притока сельского населения в то время тоже не было. А что, собственно, для крестьян было привлекательным в переходе в городское сословие? То, что горожане были свободными людьми? Но в Коми крае крепостных никогда и не было (за исключением части русских заводских рабочих) – крестьяне относились к разряду государственных. Возможность заработать? Так в Усть-Сысольске заводов и фабрик не было, а большинство горожан зарабатывало на хлеб насущный теми же сельскохозяйственными занятиями. И образ жизни мещан мало отличался от сельского. Особого налогового послабления, по сравнению с государственными крестьянами, простые обыватели тоже не испытывали.

Но даже тем, кто по каким-либо причинам решил бы переехать в город, сделать это было нелегко. Государство ограничивало уход крестьян из деревень, поскольку не было заинтересовано в уменьшении численности основного податного сословия. По правилам 1804 года, переход крестьянина в мещанское или купеческое сословие разрешался только в том случае, если он уже давно жил в городе, имел «городскую» профессию, и на том условии, что он выплатит все свои повинности и недоимки, а затем разом за три года вперед внесет все подати как крестьянскому обществу, которое фактически покидал навсегда, так и принимающему его городскому обществу – в счет будущих платежей. Понятно, что выполнить это условие могли только очень состоятельные люди – сельские торговцы. Некоторые крестьяне, впрочем, жили в городе «нелегально», продолжая официально числиться членами сельских обществ.

Условия переселения крестьян в города были значительно облегчены в конце 20-х – 40-е годы XIX века. Некоторые категории населения могли быть приписаны к городскому обществу без согласия онога, только по решению администрации. В 1827 году государственные крестьяне получили право покупать и строить дома в городах. Особенно большое значение имел Высочайший указ от 22 декабря 1832 года, снимавший с переселенцев многие имущественные и налоговые ог-



раничения. От крестьянина уже не требовалось, чтобы он предварительно жил в городе, занимался городскими промыслами и гарантировал обработку оставленной им земли. И подать он теперь вносил авансом не трех-, а одногодичную. И все же полностью правовые препятствия для крестьян, желавших переселиться в города, были сняты только в результате Великих реформ 60-70-х годов XIX века, разрушивших старую крепостную систему. Но и после этого переселение было обставлено рядом условий, главным из которых был отказ и передача (позднее была разрешена и продажа) своего общинного земельного надела [4].

В пореформенный период население Усть-Сысольска растет быстрее. В 1867 году в «столице зырянского края» насчитывалось 3593, в 1897 – 4464, в 1910 – 5260 жителей. По официальным данным, уже в 1911 году численность жителей составляла 6134 человека (по-видимому, имеется в виду наличное население). Получается, что в среднем за год число горожан увеличивалось почти на 50 человек. Однако, в отличие от крупных и средних российских городов, где уже с 30-х годов XIX века основным источником роста численности жителей стал механический прирост населения, прибыль населения Усть-Сысольска по-прежнему в основном обеспечивалась за счет большого естественного прироста. Приток сельского населения в город увеличился (об этом говорит, например, значительное увеличение числа усть-сысольских фамилий), и все-таки он не был таким уж значительным. Ведь ни «экономическое лицо» города, ни образ жизни горожан существенно не изменились.

Большинство мигрантов были выходцами из различных районов Коми края, в основном близлежащих сысольских и средневыхгодских волостей. По данным переписи 1897 года, 90,2% жителей Усть-Сысольска были уроженцами Усть-Сысольского уезда (к сожалению, отсутствуют данные о том, сколько из них родилось в самом городе), 6,7% родились в других уездах Вологодской губернии и всего 3,1% – за пределами Вологодской губернии [5].

По современным стандартам, с такой численностью населения Усть-Сысольск статуса города не получил бы. Но в то далекое время, о котором мы ведем рассказ, такие маленькие городки были типичными. По классификации, принятой в XIX веке, к большим относились города, имеющие свыше 25 тыс., к средним – от 25 до 5 тыс. и малым – менее 5 тыс. жителей. В 1782 году малые города составляли 72,2%, средние – 27,1%, большие – всего 0,7%, в 1825 – соответственно 79,4%, 19,3% и 1,3%, в 1856 – 53,3%, 42,5% и 4,0% от общего числа городских поселений. В 1856 году, например, среди 678 городов Усть-Сысольск со своими 3093 жителями занимал 450 место (Архангельск был на 66, Вологда – на 70, Великий Устюг – на 182, а Яренск – только на 647 месте). В 1897 году города с численностью жителей до 5 тыс. составляли 31,4%, от 5 до 20 тыс. – 49,1% и свыше 20 тыс. жителей – 19,5% городских посе-

лений [6]. Усть-Сысольск к тому времени немногочисленно набрал до 5 тыс. жителей, но через несколько лет он опять перешел в самую многочисленную группу городов.

Однако на малонаселенном слабо урбанизированном Европейском Севере Усть-Сысольск, самое большое поселение Коми края, вовсе не выглядел таким уж маленьким. На просторах Архангельской и Вологодской губерний, где могло поместиться не одно европейское государство, было всего 20 городов (в конце XIX века к ним прибавился еще один). Среди них своими размерами, да и внешним видом, образом жизни выделялись Архангельск, Вологда и Великий Устюг. А с 30-х годов XIX века четвертое место, правда, значительно уступая этим трем, занимал Усть-Сысольск, опережая такие древние и известные города, как Тотьма (по переписи 1897 года она опережала Усть-Сысольск по наличному населению, постоянное же население в городе на Сысоле было больше) и Сольвычегодск, а уж Яренск, которому когда-то подчинялся «погост на реке Сысоле», и вовсе был в два раза меньше «столицы зырянского края». Курьезный факт: в 1910 году село Усть-Цильма, центр Печорского уезда, по количеству жителей (2321 человек) превосходило 10 из 21 города и все пять посадов обеих губерний.

Для сравнения приведем сведения о численности населения в Архангельске и некоторых городах Вологодской губернии в XIX – начале XX веков (чел.) [7]:

	1825 г.	1842 г.	1867 г.	1897 г.*	1910 г.
Архангельск	21823	9589	19936	20933	32769
Вологда	9699	13118	17859	25535	38131
Великий Устюг	7017	8763	7722	10155	18567
Усть-Сысольск	2258	3113	3593	4309	5260
Тотьма	2776	2573	3387	4048	4835
Грязовец	1683	2416	2284	3046	4477
Никольск	902	1041	1731	2364	2447
Сольвычегодск	1152	1222	1317	1655	1556
Яренск	882	1108	1156	959	1599

Эти маленькие деревянные города во многом были схожи – тот же неспешный образ жизни, те же, в основном сельскохозяйственные, занятия жителей. Но были у каждого из них и свои особенности, выделяющие их из общего ряда. Была такая особенность и у Усть-Сысольска. Все северные города были русскими, представители других национальностей составляли в них ничтожный процент жителей. Усть-Сысольск же возник и развивался как коми поселение. В 1826 г., например, коми составляли 88,5% жителей города (а среди мещан – 95,8%). В конце XIX века коми также составляли подавляющее большинство устьсысольцев. По переписи 1897 года, коми язык называли родным 82,8%. В 1910 году, когда учиты-

* По переписи 1897 г., приведены данные по постоянному населению. Для сравнения: наличное население Усть-Сысольска – 4464 человека.

валась национальность, а не родной язык, коми составили 90,9% горожан. В Яренске, который тоже иногда относят к городам Коми края по той причине, что почти половину Яренского уезда составляли земли с коми населением, в 1897 году коми язык назвали родным всего 6,4% жителей.

В 1897 году во всех российских городах проживали 6320 коми, из них 3699 - в Усть-Сысольске, 255 - в Вологде, 108 - в Варшаве, 64 - в Яренске, 50 - в Санкт-Петербурге, 29 - в Архангельске. Вот уж где мы опережали не только губернский Вологду и Архангельск, но и имперскую столицу! В Усть-Сысольске проживали почти 60% всех коми горожан. Так что Усть-Сысольск с полным основанием мог называться единственным коми городом Российской империи [8].

И в то же время Усть-Сысольск был одним из немногих поселений Коми края, где была значительная группа русского населения. В 1897 году среди его постоянного населения было 736 считавших русский язык родным (16,4% всех горожан), 20 поляков (ссылыные и их потомки), 2 еврея и 7 представителей других национальностей. Вероятно, в число тех, кто назвал родным языком русский, попала и какая-то часть ассимилированных коми. По данным на 1910 год, русских в Усть-Сысольске было намного меньше - 489 человек (9,1%). Наряду с «русскими» заводскими поселками Ньючим, Кажим, Ньюглас, Серегово и районами межэтнических границ в Прилузье, на средней и верхней Печоре, Усть-Сысольск относился к зонам относительно интенсивных межэтнических контактов.

Одним из следствий этих контактов было лучшее, по сравнению с селом, знание коми горожанами русского языка. Еще в 30-е годы XIX века вологодский губернатор Николай Брусилов, основываясь на отчете середины 20-х годов, отмечал, что из коми русский язык знают «большую частью те, кои живут в городах и на большой дороге, прочие, наипаче женщины, хотя и понимают, но не говорят по русски», а коми поэт И. Курапов писал о «полузырянском-полурусском наречии коми горожан. Капитан Генерального штаба Услар и вовсе отмечал, что жители Усть-Сысольска «говорят и понимают свободно по русски, но произношение обличает не русское происхождение их» [9]. Впрочем, не стоит преувеличивать знание устьсысольцами русского языка. Из женщин, например, им и в начале XX века мало кто владел. В городе звучала коми речь. И большинство русских чиновников и учителей, долгое время живших в Усть-Сысольске, в той или иной мере осваивали коми язык, по крайней мере на уровне понимания.

Усть-Сысольск всегда был «молодежным городом». В 1897 году возрастной состав его населения был следующим: до 15 лет - 39,8%, 15-19 лет - 10,4%, 20-29 лет - 15,2%, 30-39 лет - 10,5%, 40-49 лет - 9,2%, 50-59 лет - 5,6%, 60 лет и старше - 9,3%. Таким образом, более чем половине устьсысольцев не было и 20 лет, а люди пожилого возраста и старики (старше 50 лет) составляли всего 14,9%. Это указывает на тради-

ционный тип воспроизводства (высокая рождаемость при высокой смертности), характерный в то время не только для Усть-Сысольска, но и для всего Коми края.

В Усть-Сысольске численность женщин всегда была несколько больше численности мужчин (в разные годы, по которым есть статистические сведения, их доля изменялась от 50,5% в 1825 году до 53,3% в 1897 году). Причем среди детей и подростков (до 17 лет) женщин было меньше, чем мужчин - всего 47,6%. Но уже среди 20-40-летних они составляли 54,4%, а среди тех, кто был старше 50 лет - 59,3% (все данные приводятся по переписи 1897 года). Объясняется это тем, что средняя продолжительность жизни у женщин была значительно больше, чем у мужчин [10].

Коми край с конца XIV века был православным. Выходцев из неправославных регионов среди местного населения почти не было, так что не удивительно, что по вероисповеданию устьсысольцы, как и практически все жители северных городов, были православными (например, в 1910 году самая низкая доля православных была в Вологде - 97,5%). Отдельные представители других вероисповеданий встречались, но их было очень мало (это были приезжие торговцы, а со второй половины XIX века - ссыльные). Например, в 1864 году в городе проживали 23 католика (высланные участники польского восстания 1863 года), 4 протестанта (одна семья), 9 иудеев (из них 8 мужчин) и 1 мусульманин. В 1897 году в Усть-Сысольске было 4411 православных, 20 католиков, 1 лютеранин, 1 иудей и 4 мусульманина [11].

Несмотря на то, что в конце XIX - начале XX веков в Усть-Сысольске уже было сравнительно много учебных заведений, уровень грамотности горожан был невысок. Перепись 1897 года зафиксировала, что грамотными являются 37,7% горожан. Это намного больше, чем в целом по населению Усть-Сысольского уезда, уровень грамотности которого составлял всего 14,5%. Но среди городов Вологодской губернии по уровню грамотности Усть-Сысольск занимал последнее место (среди всего городского населения губернии грамотные составляли 54%, самый высокий показатель был в Вологде - 60,2%, предпоследний - в Тотьме - 47,7%). В соседнем Яренске, например, грамотными были 55,4% горожан.

Уровень грамотности у различных групп городского населения значительно различался. Например, мужчины были намного грамотнее женщин - среди первых в возрасте старше 10 лет грамотными были 69,4%, среди вторых - только 29,8%. Самыми образованными, естественно, были дворяне и лица духовного сословия - среди них грамотными были 95% (у мужчин - почти 100%, у женщин - 90,3%). Среди других городских сословий (купцов и мещан) грамотными были 41,9% (у мужчин - 65,9%, у женщин - 24,2%), среди городских крестьян - 43,3% (у мужчин - 60,5%, у женщин - 22,8%). Среди всех горожан старше 10 лет грамотными были 48,2% [12].

Очень большое значение для горожанина имела сословная принадлежность. Она определяла его место в социальной иерархии, была связана с привилегиями и повинностями, возможностью участвовать в городском управлении. Сословное деление подданных Российской империи законодательно оформляется в начале XVIII века. Уже в то время ряд сословий объединяются в городские. Определенным итогом работы по выделению группы городских сословий, правда, очень «сырым», стало сословное разделение горожан в «Жалованной грамоте городам» 1785 года.

Городские обыватели были разделены на шесть разрядов: настоящие городские обыватели (те, кто имел в городе строения или землю), купечество, в зависимости от объявленного капитала, записанное в первую, вторую или третью гильдию (последняя введена в 1775 году), цеховые ремесленники, иногородние и иностранные гости, постоянно живущие в городе и имеющие там «промыслы и работы», именитые граждане (отмеченные «похвалою» горожане, вторично занимавшие выборные должности в органах управления; ученые, художники, музыканты, купцы с капиталом более 50 тыс. руб., банкиры, оптовые торговцы и судовладельцы) и посадские (городские старожилы, кормящиеся «промыслом, рукоделием или работою» в городе, но не отнесенные к вышеперечисленным разрядам) [13]. Деление это, очевидно, несовершенно и не отражающее полностью сложный социальный состав городского населения, неоднократно уточнялось, приводилось в соответствие с реальностью.

Основными городскими сословиями были мещане и купечество. К мещанам относились все «простые» горожане («настоящие городские обыватели»), приписанные к городскому обществу, вне зависимости от их рода занятий (к примеру, в числе мещан могли оказаться и мелкие государственные служащие не из дворян) и состояния, в том числе и занимающиеся ремеслом, поскольку цеховые организации в малых российских городах так и не сложились. Мещане были основным городским податным сословием. Государству они платили подушную подать, а также выполняли многочисленные денежные и натуральные (рекрутскую, подводную, постоянную) повинности.

Более четко определены социально-профессиональные рамки купеческого сословия – это люди, занимающиеся торгово-промышленной деятельностью. Но опять же к купечеству относились далеко не все, кто промышлял предпринимательством. Правильнее будет сказать, что купцами являлись предприниматели и торговцы, объявившие свой капитал через покупку торговых и гильдейских свидетельств. К примеру, вполне обычным делом было, когда торгующие мещане, накопив достаточно средств, чтобы «дотянуть» до третьегильдейского уровня, переходили в купечество, а через несколько лет, а то и на следующий год, возвращались в «мещанское состояние».

Вступление в купеческое сословие давало определенные выгоды: из всех сословий, кроме

дворянства, только купцы имели право заниматься торговлей и другими видами предпринимательской деятельности, купечество освобождалось от подушной подати, имело право откупаться от рекрутчины, получало возможность активно участвовать в городском самоуправлении, а купеческие дети могли учиться во всех учебных заведениях, исключая сословные дворянские, и поступать на государственную службу.

В 1832 году правительство учредило новое городское сословие почетных граждан (они, как и дворяне, были личными и потомственными), по существу соответствовавшее екатерининскому разряду «именитых горожан». Почетное гражданство присваивалось за особые заслуги лицам недворянского звания – купцам, представителям творческой интеллигенции, детям личных дворян и духовенства, чиновникам. Но в основном почетными гражданами становились представители «именитого купечества». Почетные граждане, согласно закону, освобождались от рекрутской повинности, уплаты подушной подати, государственных повинностей и телесных наказаний [14].

Но городскими сословиями население города не исчерпывалось. В городах жили и дворяне, и духовенство, и представители военного сословия. Своего, догородского дворянства в Усть-Сысольске не было, поскольку в Коми крае отсутствовало помещичье землевладение. Усть-сысольские дворяне – это служащие государственных учреждений, преподаватели учебных заведений, достигшие определенного ранга, немногочисленные отставные офицеры и чиновники из местного населения. Городское духовенство составлял клир Троицкого собора с семьями, а также заштатные священноцерковнослужители. Военное сословие было представлено небольшой воинской командой.

Существенную часть горожан составляли сельские сословия (крестьяне и дворовые), как и мещане, являвшиеся непривилегированной (податной) частью населения. До реформ 60-х годов XIX века им не разрешался переход в мещанское и купеческое сословия, даже если они давно проживали в городе (государственные крестьяне могли стать мещанами только с разрешения Сената). Не являясь городским сословием, крестьяне-горожане были ограничены в правах в сравнении с мещанами (в частности, они не принимали участия в выборах органов городского самоуправления).

Кроме того, в составе городского населения выделялась такая нечетко определенная неподатная категория, как разночинцы. Например, в одном из официальных изданий Центрального статистического комитета при МВД ей дано такое определение: «под именем разночинцев понимаются люди, находящиеся в переходном положении и обязанные чрез известный срок приписаться к какому-нибудь сословию, например, питомцы воспитательного дома, подкидыши, незаконнорожденные, ... магометане и язычники, принявшие христианскую веру и другие» [15]. В число этих «других», в зависимости от правил уче-

та, принятых в различных ведомствах, могли попасть и студенты, и люди «свободных профессий» (художники, актеры, музыканты), и чиновники, и преподаватели, и «отставные нижние чины», и солдатские жены, и много кто еще. Одним словом, это те, кто по каким-либо причинам не попал ни в одно из официально определенных сословий. К середине XIX века круг относящихся к разночинцам становится определеннее – в основном таковыми считаются чиновники не из дворян, представители творческой интеллигенции, учителя, врачи.

При преобразовании Усть-Сысольска в город все населявшие его крестьяне вмиг превратились в городских обывателей-мещан, число которых по ревизии 1782 года составило 1679 человек. Кроме них в новом городе насчитывалось 48 лиц купеческого сословия. Но это не все горожане. В «Экономических примечаниях Генерального межевания по Устьсысольскому уезду» 1784 года отмечено, что в городе наличествуют 1 обер-офицерский (городничего), 9 «лучших по новому положению купеческих», 303 мещанских и 11 «разночинянских кроме обер-офицерского» дворов [16]. Если, сделав несложные расчеты по мещанам и купцам, принять за среднюю населенность двора 5 человек, то можно сказать, что среди горожан примерно 60 человек относились к чиновникам и разночинцам. Добавим сюда 3 двора (около 15 человек) клира Троицкого собора (священника, дьячка и пономаря) и получим такой приблизительный сословный состав первых горожан: примерно по 3% - разночинцы (чиновники) и купечество, около 1% – духовенство, а остальные 93% – мещане.

Со временем сословный состав населения Усть-Сысольска неизбежно усложняется. По отчету городничего за 1836 год, среди горожан было учтено 29 (1%) представителей духовного сословия (в это число, разумеется, входят не только сами священноцерковнослужители, но и члены их семей), 79 (2,8%) «благородных» (дворян), 10 (0,4%) человек «гражданского ведомства» (чиновников не из дворян), 2 – «военного ведомства», 19 (0,7%) разночинцев, 76 (2,8%) представителей «купчества здешнего», 2237 (81,2%) мещан и посадских, 268 (9,7%) «нижних воинских чинов», в том числе и отставных, с семьями, 20 (0,7%) крестьян и 13 (0,5%) дворовых, а всего 2753 человека.

Для сравнения приведем сословный состав всего городского населения Вологодской губернии за 1835 год: духовенство – 4,4%, дворяне и чиновники – 8,8%, почетные граждане – 0,2%, разночинцы – 1,7%, купечество местное и иногороднее – 4,2%, мещане и посадские – 50,3%, веч노цеховые – 3,5%, нижние воинские чины – 10,7%, крестьяне – 5,5%, дворовые – 6,4%, прочие (вольноотпущенные, «воспитывающиеся в разных заведениях» и другие) – 4,3% [17].

Различия, конечно, весьма заметны. В маленьком полусельском Усть-Сысольске вовсе отсутствовало такие сословия, как цеховые и почетные граждане (последних, впрочем, и в других

городах, кроме Вологды, были единицы, поскольку это сословие было учреждено совсем недавно), значительно ниже была доля дворян и чиновников, крестьян и дворовых, зато много выше – мещан и посадских. И в то же время надо отметить, что в сословном составе всех северных городов были и отличия от городов других регионов. Главное из них – относительно небольшая доля крестьян в городском населении. В это время в городах Российской империи сельские сословия составляли более 20% всех горожан. В городах других регионов, особенно в южных, значительно выше была доля разночинцев [18].

До начала 60-х годов XIX века сословный состав устьсысольцев существенных изменений не претерпевает. По сведениям Вологодского губернского статистического комитета, в 1861 году население Усть-Сысольска насчитывало 3318 человек, из них дворян потомственных и личных – 187 (5,6%), духовенства – 48 (1,4%), купцов – 183 (5,5%), мещан – 2683 (80,9%), крестьян государственных и временно-обязанных – 26 (0,7%), воинских чинов, состоящих на службе – 123 (3,7%), бессрочно-отпускных и отставных нижних чинов – 60 (1,8%), солдатских жен, вдов и дочерей – 8 (0,2%) [19].

И только к концу XIX века сословный состав претерпевает заметные изменения, прежде всего за счет притока в город крестьян. Наиболее подробные сведения, естественно, были получены при проведении переписи населения. И так, в 1897 году сословный состав населения Усть-Сысольска выглядел следующим образом (учтено постоянное население)*: духовенство – 169 (3,9%), дворянство потомственное и личное – 261 (6,0%), чиновники не из дворян – 43 (1,0%), почетные граждане – 7 (0,2%), купцы – 54 (1,3%), мещане – 3101 (72,0%), крестьяне – 611 (14,2%), прочие – 63 (11,4%) [20].

Сословный состав отдельных городов Вологодской губернии весьма существенно различался. Отметим, что в маленьких городках при примерно одинаковой с Усть-Сысольском численности дворян и чиновников (они тоже были уездными центрами и имели «полный набор» уездных и городских учреждений) их удельный вес в населении был более значительным, в Вологде и Устюге была намного выше численность духовенства, поскольку эти относительно большие города имели по несколько приходов, и к тому же первая была епархиальным, а второй – викарным центрами, и т.д. Но при сравнении с сословным составом всего городского населения Вологодской губернии видно только одно очень существенное отличие – в Усть-Сысольске намно-

* Для сравнения приведем данные переписи 1897 г. по сословному составу наличного населения: духовенство – 172 (3,8%), дворянство потомственное и личное, чиновники не из дворян – 309 (6,9%), почетные граждане – 7 (0,2%), купцы – 54 (1,2%), мещане – 3128 (70,1%), крестьяне – 728 (16,3%), прочие – 66 (1,5%) (см.: Первая Всеобщая перепись населения Российской империи 1897 года. VII. Вологодская губерния. Тетрадь 2. СПб, 1904. С.2–3, 30–31).

го ниже была доля крестьян и выше – мещан (по всему городскому населению они составляли соответственно 37,8 и 39,8%, что было вполне типично для всех российских городов). Не очень-то стремились коми крестьяне в «столицу зырянского края», что, как уже отмечалось, существенно тормозило рост численности населения Усть-Сысольска.

Этим мы пока и ограничимся в статистической характеристике горожан (отсутствие достаточно полных учетных данных не дают возможности охарактеризовать социально-профессиональный состав городского населения, но о занятиях горожан пойдет речь в главе о городской экономике). На очереди – рассказ об основной социальной и хозяйственной ячейке городского общества – семье.

2.2. Портрет мещанской семьи

В XIX веке, как и ранее, регулярно составлялись посемейные списки городских жителей, без которых невозможен был учет податного населения и налогообложение. Часть этих документов сохранилась, и благодаря им мы можем узнать интересные факты из жизни старого Усть-Сысольска: какие фамилии были самыми распространенными среди его жителей, какие – самыми старыми, какова была численность семей, из кого они состояли и тому подобное. Одним словом, мы попытаемся с помощью статистических данных в общих чертах набросать портрет городской семьи. Поскольку число семей дворян, купцов и духовенства очень невелико и статистически незначимо, а крестьяне как относящиеся к негородскому сословию в городских посемейных списках не учитывались, ограничимся рассказом о мещанских семьях, составлявших значительное большинство городских семейств.

В рассказе об усть-сысольских семьях использованы данные, взятые из материалов ревизий 1816, 1834 и 1858 годов, а также списка жителей Усть-Сысольска по сословиям и роду занятий по состоянию на 10 февраля 1873 года, что позволяет познакомиться с изменениями, происходившими в структуре мещанской семьи на значительном временном отрезке истории города. За 1816 год имеются сведения о 357 семьях мещан, включающих 1824 человека, за 1834 год – о 324 семьях (2090 человек), за 1858 год – о 336 семьях (2443 человека), за 1873 год – о 504 семьях (2724 человека) [21]. Во всех случаях это значительно больше половины горожан. К сожалению, подобные документы конца XIX – начала XX веков отсутствуют.

Заметим, что подавляющее большинство усть-сысольцев входило в состав семей. Одиноких в городе было очень мало. Среди усть-сысольских мещан, например, в 1816 году они составляли 1%, в 1834 – 1,2%, в 1858 – 1,9%, в 1873 – 2,9%. В 1897 году хозяйства одиноких составляли всего лишь 6% всех городских хозяйств. Это либо круглые сироты, либо приезжие, не успевшие вступить в брак и не имеющие в городе родственни-

ков (часто доживали свой век в одиночестве поселившиеся в городе «отставные нижние чины»). Одинокие учитывались в рассказе о фамилиях мещан, но исключены из статистического описания состава семьи, поскольку, строго говоря, они семьей не являются.

Начнем с фамилий мещан. Как уже упоминалось, старейшие из них, впервые встречающиеся в переписной книге 1586 года, Вежов и Макарын. Возможно, от прозвища одного из жителей погоста Зарбай пошла фамилия Забоев. Но вообще-то в те времена фамилии только начинают складываться из прозвищ и отчеств. В переписной книге 1608 года не зафиксировано ни одной новой фамилии, если не считать прозвища Бес у основателя династии Сухановых. В 1646 году уже упоминаются Суханов, Постников, Попов, Бесов (сын Федора Беса Калинка), а также прозвища, которые со временем могли стать фамилиями – Тренька (Тренькин?), Баженка (Баженов?), Первушка (Первушин?), Малыжка (Малыгин?), Бессонко (Бессонов?) (последний – из починка Каменистый).

И только к концу XVII века фамилии становятся массовыми. В 1678 году появляются новые фамилии обитателей погоста – Князев, Савин, Цивилев, Пылаев, Жданов и Кочев. Среди жителей близлежащих деревень впервые упоминаются фамилии Кочев, Шалев, Холупов, Забоев, Кузькоков, Дулин, Чиромов, Жуков, Шешуков, Есев, Кудинов, Осипов, Ошев, Котюнев, Зарубин, Старцев, Фролов, Сорвачев, Титов, Молодцов, Юрьев, Зюгин, Куратов, Сюрвасев и Коданев. К 1719 году к ним добавились фамилии Калинин, Камбалов, Комлин, Елькин, Жеребцов, Кулаков, Сидоров, Бессонов, Юркин и другие [22]. Среди этих фамилий – практически все наиболее распространенные в XIX веке.

В 1816 году в Усть-Сысольске встречаются всего 73 фамилии. К 1834 году их число возросло до 87, а к 1858 – до 91, то есть весьма незначительно. А вот во второй половине XIX века число фамилий растет существенно быстрее – в 1873 году их насчитывалось уже 128. Причем, если в 1816 году по одному разу встречается 29 фамилий (около 40% от их общей численности), то в 1873 году – уже 69 (примерно 55%). О стабильности фамильного состава мещанских семей говорит такой факт: из 73 фамилий списка 1816 года 44 (60,3%) упоминаются еще в списках 1719 года. К 1873 году сохраняется 62 из 71 фамилий 1816 года, а одна из исчезнувших (Пономарев) встречается среди отставных нижних чинов, приписанных к мещанскому сословию.

По-видимому, в XVIII – первой половине XIX веков пополнение фамильного фонда горожан в основном идет за счет переселения из близлежащих сысольских волостей. К примеру, упоминавшиеся в списке 1816, но не встречающиеся в 1719 году фамилии Лыткин, Луашев, Нечаев в начале XVIII века бытовали в погосте Вильгорт, Мальцев – в деревне Озел, Колегов – в погостах Визинга, Кибра, Ыб, Безносков – в погостах Ыб, Пыелдино, Ужга, Габов – в погостах Пажга, Межадор и т.д. [23].

Теперь посмотрим, какие фамилии среди мещан Усть-Сысольска были самыми распространенными. «Пальму первенства» по популярности держит фамилия Сорвачев. За ней долгое время идут Цивилевы, но к 1873 году они пропускают вперед Титовых, поднявшихся с пятого места, которое они занимали в 1816 году. Кроме них в первую пятерку стабильно входят Цивилевы, Молодцовы и Фроловы. В первой двадцатке постоянно находятся и представители старейших, появившихся еще в XVII веке, фамилий Вежовых, Забоевых, Поповых, Осиповых, Кудиновых, Коданевых и Сухановых (последние только в 1873 году покинули первую двадцатку).

Интересно, что первая двадцатка в течение 60 лет почти не меняется. В 1834 году по сравнению с 1816 годом изменились всего две фамилии: вместо Маегова и Сидорова появились Надеев и Латкин, а в 1858 году по сравнению с 1834 годом – три (вместо Надеева, Латкина и Жижева – Улитин, Бессонов и Клыков), в 1873 году по сравнению с 1858 годом – три (вместо Улитина, Бессонова и Суханова – Елькин и снова Маегов и Жижев). Всего же в первые двадцатки в этот период входят 26 фамилий. И в то же время доля семей, носящих одну из наиболее распространенных фамилий, постепенно сокращается, при том, что доля жителей, носящих одну из этих фамилий, остается практически неизменной. В 1816 году одну из 20 наиболее популярных фамилий носили 63,4% семей и 64,4% мещан, в 1834 году – соответственно 62,6 и 65,4%, в 1858 году – 59,2 и 64,4%, в 1873 году – 55,9 и 64,5%.

Сведения о брачном состоянии горожан всех сословий мы можем почерпнуть только из материалов переписи 1897 года. В 17–19-летнем возрасте в браке состояли всего 2 мужчин и 14 женщин (соответственно 1,8 и 8,8% от численности всех мужчин и женщин этой возрастной группы). Для группы 20–29 лет эти показатели, естественно, значительно больше – 38,9 и 64,3%. И даже среди таких молодых двое мужчин и четверо женщин уже были вдовыми. Среди тех, кому было 30–39 лет, состояли в браке 87,9% мужчин и 76,2% женщин, вдовцами были 1 мужчина и 25 (9,4%) женщин. Очевидно, что в более старших возрастных группах число состоящих в браке уменьшается, а вдовых – увеличивается. Так, в группе 40–49 лет в браке состояли 86,2% мужчин (вдовцами были 2,4%) и 65,4% женщин (вдовы составляли 21,4%), среди тех, кто был старше 50 лет, в браке состояли 76,1% мужчин и всего 38,9% женщин, зато вдовцами были 15,8% и вдовами – 48,0% (среди тех, кто был старше 60 лет – соответственно 20,8 и 55,0%). Показательно, что в городе не было ни одного разведенного: разводы осуждались православной церковью и были чрезвычайно затруднены из-за законодательных ограничений [24].

Эти данные только лишний раз подтверждают известный факт: женщины, как правило, живут дольше мужчин. Более интересно другое: оказывается, усть-сысольская молодежь вовсе не стремилась поскорее обзавестись семьей. Дей-

ствительно, в конце XIX века средний возраст вступления в брак у мужчин был около 25 лет, у женщин – 21 год (у сельских коми, кстати говоря, он был примерно таким же). Связано это вовсе не с тем, что северные люди медлительны, «тяжелы на подъем». В основном это связано с «семейной экономикой», о которой еще пойдет речь (в частности, нужно было озаботиться об обеспечении достатка молодой семьи, а семье невесты – накопить приданое).

Зная сословный состав жителей Усть-Сысольска и учитывая сословные перегородки между привилегированными и непривилегированными сословиями, определяемые понятием о престижности брака с представителями другого сословия, различиями в благосостоянии, уровне образования, образе жизни, нетрудно догадаться, что большинство женихов и невест принадлежали к одному – мещанскому сословию. Сословная принадлежность жениха и невесты, наряду с их возрастом, данными о родителях и свидетелях, записывалась в метрические книги Троицкого собора (к сожалению, сохранились далеко не все из них). Для примера приведем данные о браках мещан за 1896–1900 годы. Из них односословные составляли 81,8%. Межсословные браки чаще всего заключались с крестьянами – они составляли 16,1% (в основном заключались браки с крестьянами близлежащих деревень Чит, Слобода, Кочпон, Вильгорт, причем почти всегда жених был горожанином, а невеста – крестьянкой). И всего 1,6% составляли браки мещан с представителями духовенства и купечества. Заметим, что среди представителей духовенства, дворян, купечества межсословные браки встречались чаще, но заключались они в узком кругу привилегированных сословий [25].

Одна из основных характеристик, способных очень много рассказать о семье, – ее численный состав. Семьи наших предков были немаленькими – в 1816 году в среднем в каждой городской семье насчитывалось 5,3 человека. В дореформенный период средний размер городской мещанской семьи еще увеличивается – в 1834 году до 6,9, а в 1858 году – до 8,3 человек. А затем происходит обратное – средняя численность мещанской семьи начинает уменьшаться. В 1873 году она уже составляла 6,1 человека. По переписи 1897 г., в среднем на частное хозяйство приходилось 4,4 человека (учитывались только лица, состоящие в родстве). Причем то же самое происходит и в селе, только сельские семьи всегда были больше городских. Так, по данным по ряду волостей Усть-Сысольского уезда, в 1816 году средний размер крестьянской семьи равнялся 5,6, в 1834 – 7,8, в 1858 – 8,5 и в 1885 – 8,5 человек [26]. Не удивительно, что при росте численности и городского, и сельского населения число семей в первой половине XIX века не растет, а в иные периоды даже уменьшается.

Для того чтобы яснее были видны изменения в численном составе семьи, укрупним интервалы, условно выделив малую (2–3 человека), среднюю (4–5 человек) и большую (6 и более чело-

век) семьи (конечно, группировка эта условная, отражающая скорее современные представления о размере семьи, чем те, которые были в XIX веке). Получается следующая картина (в процентах):

	1816 год	1834 год	1858 год	1873 год
Малые семьи	21,8	17,4	11,4	20,7
Средние семьи	36,0	22,4	17,9	26,5
Большие семьи	41,3	60,2	70,7	52,8
В том числе				
– 6–9 чел.	36,7	40,8	38,5	40,9
– 10 и более	4,6	19,4	32,2	11,9

Заметно, что большие семьи всегда составляли большинство, а малые – уступали по численности и средним, и большим. Возрастание в первой половине XIX века среднего размера семьи отражает рост доли больших и снижения – малых и средних семей. В 50-е годы XIX века этот процесс достигает апогея: численность больших семей почти в 2,5 раза больше, чем малых и средних, вместе взятых, причем почти треть всех семей составляют семьи, имеющие численность в 10 и более человек. Такие большие семьи встречаются значительно чаще других, в то время как

в 1816 году больше всего было больших семей, состоящих из четырех (17,4%) и пяти (19,4%), в 1834 году – из пяти (14,0%) и шести (12,8%) человек.

Встречаются настоящие семьи-гиганты. Так, семья, главой которой был 52-летний мещанин Елькин, в 1858 году насчитывала 23 человека: кроме главы семьи и неженатого сына, в нее входили двое женатых братьев, у каждого из которых было по шестеро детей, и двоюродный брат с женой и четырьмя детьми. Семья мещанина М.Титова включала, помимо главы семьи и его жены, трех женатых сыновей с детьми и двух незамужних дочерей – всего 20 человек. И это – не единичные случаи.

Начиная с 60-х годов XIX века доля больших семей постепенно уменьшается, хотя и в 70-е годы, как мы видим, они еще составляли большинство. Процесс уменьшения семьи идет и после 70-х годов XIX века, что подтверждают материалы переписи 1897 года. В Усть-Сысольске «хозяйства лиц, связанных родством» (без разбивки на сословия) из 2–3 человек составляли 30,7%, из 4–5 человек – 34,5%, из 6 и более человек – 34,8%. Показательно, что почти полностью исчезают «супербольшие» семьи – в городе нашлись всего 2 семьи, включающие 11 и более человек [27].

НАИБОЛЕЕ РАСПРОСТРАНЕННЫЕ ФАМИЛИИ МЕЩАН УСТЬ-СЫСОЛЬСКА

№	1816 год			№	1834 год			№	1858 год			№	1873 год		
	Фамилии	Кол-во семей	Кол-во членов семьи		Фамилия	Кол-во семей	Кол-во членов семьи		Фамилия	Кол-во семей	Кол-во членов семьи		Фамилия	Кол-во семей	Кол-во членов семьи
1.	Сорвачев	26	157	1.	Сорвачев	24	204	1.	Сорвачев	22	222	1.	Сорвачев	36	232
2.	Цивилев	20	101	2.	Цивилев	19	104	2.	Цивилев	18	136	2.	Титов	23	147
3.	Молодцов	17	89	3.	Молодцов	15	108	3.	Титов	17	140	3.	Цивилев	23	123
4.	Фролов	15	86	4.	Титов	13	113	4.	Молодцов	13	103	4.	Молодцов	20	115
5.	Титов	13	75	5.	Фролов	13	96	5.	Фролов	11	95	5.	Фролов	19	107
6.	Забоев	13	67	6.	Забоев	12	78	6.	Жеребцов	10	92	6.	Клыков	14	98
7.	Тентюков	11	56	7.	Тентюков	9	61	7.	Кудинов	9	63	7.	Осипов	13	68
8.	Сидоров	10	45	8.	Вежов	9	60	8.	Забоев	9	62	8.	Тентюков	12	86
9.	Суханов	10	44	9.	Кудинов	9	42	9.	Вежов	9	57	9.	Попов	12	77
10.	Коданев	9	56	10.	Шешуков	8	60	10.	Тентюков	8	74	10.	Шешуков	12	65
11.	Вежов	9	51	11.	Попов	8	56	11.	Клыков	8	70	11.	Елькин	11	77
12.	Попов	9	43	12.	Жеребцов	8	54	12.	Шешуков	8	70	12.	Забоев	11	69
13.	Кудинов	9	39	13.	Малыгин	8	37	13.	Коданев	8	64	13.	Лыткин	11	63
14.	Малыгин	9	31	14.	Осипов	7	63	14.	Попов	8	60	14.	Жеребцов	10	87
15.	Осипов	8	40	15.	Надеев	7	46	15.	Лыткин	8	51	15.	Кудинов	10	63
16.	Шешуков	8	40	16.	Коданев	7	45	16.	Малыгин	7	40	16.	Вежов	10	58
17.	Лыткин	8	39	17.	Латкин	7	40	17.	Суханова	7	22	17.	Коданев	9	68
18.	Жеребцов	8	39	18.	Жижев	7	33	18.	Осипов	7	64	18.	Малыгин	9	53
19.	Жижев	8	39	19.	Суханов	7	25	19.	Улитин	6	54	19.	Маегов	9	47
20.	Маегов	6	42	20.	Лыткин	6	42	20.	Бессонов	6	34	20.	Жижев	8	46
	ВСЕГО	226	1175		ВСЕГО	203	1367		ВСЕГО	199	1573		ВСЕГО	282	1759

Теперь обратимся к другому способу группировки семей – по составу. Общепринято выделять среди них простые, в том числе полные (с одной брачной парой) и неполные (без брачной пары),

и сложные (с несколькими брачными парами). В Усть-Сысольске они распределялись так (в процентах):

	1816 год	1834 год	1858 год	1873 год
Простые полные семьи	68,1	50,0	41,4	64,5
Простые неполные семьи	15,3	14,8	11,0	19,1
Сложные, с 2 брачными парами	15,4	28,6	34,2	11,3
Сложные, с 3 и более брачными парами	1,2	6,6	13,4	5,1

Как и в наши дни, самым распространенным типом семьи была простая полная. Однако, как нетрудно догадаться, зная изменения в средней численности семьи, в первой половине XIX века доля простых полных семей сокращается и в середине столетия даже становится меньше доли сложных семей, но затем опять возрастает, и простая полная семья вновь занимает первенствующее положение. Соответственно доля сложных семей сперва растет, причем значительно, а потом сокращается. В середине XIX века нередкими были семьи с четырьмя и даже пятью брачными парами (пример тому – упомянутая семья мещанина Титова) – они составляли 3,1% всех семей. Но в начале XX века сложные семьи уже были редкостью и встречались чаще всего в пригородах.

Прежде чем попытаться ответить на вопрос о том, чем вызваны подобные изменения, расскажем подробнее о родственном составе семьи. Простая полная семья – это чаще всего родители с неженатыми (незамужними) детьми. Доля таких семей среди всех простых изменялась от 44,2% в 1816 году до 33,6% в 1858 году. Часто также встречались семьи, состоявшие из супругов с детьми (иногда – бездетные) и одним из родителей мужа или жены (наибольший показатель – 13,2% в 1834 году, наименьший – 8,5% в 1858 году). Примерно с той же частотой встречались такие же семьи, но еще и с боковыми родственниками (братьями, сестрами, племянниками одного из супругов). Реже встречались семьи, состоявшие только из супругов (7,1% всех простых семей в 1834 году и 6,6% – в 1858 году).

«Механизм» образования таких семей довольно прост. До брака дети, естественно, жили вместе с родителями. Дочери после замужества уходили жить в семью мужа, навсегда покидая родительский дом (это одна из причин, по которой родители старались попозже выдать дочь замуж – семья теряла работницу). И только в исключительных случаях (например, если супруг был круглым сиротой или в родительской семье жены не было наследников по мужской линии) муж переходил в семью жены. В посемейных списках усть-сысольских мещан почти не встречаются так называемые «семьи с зятем». Например, в 1816 году их было всего семь. Как правило, какое-то время молодые жили в семье мужа (таким образом родительская семья на время превращалась из простой в сложную), но затем выделялись в самостоятельное хозяйство – так появлялась новая простая полная семья.

В первой половине XIX века доля самых распространенных типов простых полных семей «брачная пара с детьми» и «брачная пара с детьми и одним из родителей мужа (жены)» в общей численности всех семей сокращается с 45,7% в

1816 году до 21,4% в 1858 году. Именно это сокращение и определяет общее значительное уменьшение удельного веса простых полных семей, поскольку доля простых полных семей с боковыми родственниками почти не изменяется.

Доля простых неполных в общей численности семей отличалась относительной стабильностью. Большинство простых неполных семей (в разные годы – от 60 до 70%) – это один из родителей с детьми. Причем намного чаще встречались «материнские» семьи. Наиболее распространенный современный путь образования таких семей в результате развода тут не подходит – как уже упоминалось, в XIX веке в Усть-Сысольске разводы были единичными. Большинство неполных семей составляют молодые вдовы с детьми (мы уже отмечали, что средняя продолжительность жизни у мужчин была существенно ниже, чем у женщин). Вероятно, какую-то небольшую часть неполных семей составляли матери с внебрачными детьми. Добрачные половые связи и у городских, и у сельских коми были явлением обычным. И хотя рождение ребенка вне брака осуждалось общественным мнением, каждый год регистрировалось немало незаконнорожденных детей. Например, в 1836 году незаконнорожденными (то есть рожденными у невенчаных родителей) были 11,1% новорожденных [28].

Сложные семьи можно разделить на две группы: семьи, в которых брачные пары принадлежат к разным поколениям, младшие связаны со старшей прямым родством (супруги с женатыми и неженатыми детьми и внуками) – назовем такие семьи «родительскими», и семьи, в которых брачные пары относятся к одному поколению и связаны боковым родством (женатые братья с детьми) – назовем их «братскими». Доля «родительских» среди всех семей изменялась мало от 15,0% в 1816 до 18,1% в 1834 году. В начале XIX века «родительские» составляли более 90% сложных семей, причем подавляющее большинство из них включали одну детскую брачную пару – это как раз такие «временные» сложные семьи, о которых говорилось выше. Но к середине XIX века резко среди всех семей возрастает удельный вес «братских» – с 1,7% в 1816 до 17,1% в 1834 и 19,3% в 1858 году. В середине XIX века они составляли 48,5% всех сложных семей.

Обращает на себя внимание такой факт: в 1816 году практически все сложные семьи были либо «родительскими», либо «братскими», а к 1858 году они вместе составляли только 76,7% сложных семей. Появляются новые группы сложных семей, производные от «братских». Это семьи, в которые, наряду с женатыми братьями входят их женатые дети (4,5% всех семей) и семьи с женатыми племянниками старшей брачной пары

(6,5% всех семей), образовавшиеся после смерти одного из братьев.

Таким образом, в первой половине XIX века происходит усложнение родственного состава семьи. Причем в селе также резко возрастает число сложных семей. И наоборот, во второй половине столетия идет сокращение удельного веса всех групп сложных семей. Уже в 70-е годы XIX века почти исчезают семьи с женатыми племянниками. В начале XX века, по сведениям информаторов, «братские» семьи почти не встречались. Почти все сложные семьи конца XIX – начала XX веков – хорошо знакомые нам «родительские» с одной детской брачной парой.

Такие изменения в составе семей объясняются тем, что резко пошло на убыль число семейных разделов (вспомним – в это время общее число семей почти не растет). Безусловно, семейные разделы в некоторой степени сдерживались экономическими причинами: нежеланием идти на раздел и без того небольшого семейного земельного надела, большими затратами, связанными со строительством нового дома, включая плату за «плановое» место и оформление документов. В начале 50-х годов XIX века городская земля стала сдаваться в аренду, что могло «подтолкнуть» раздел семьи – отпала необходимость дробить семейный надел. И все же только экономическими причинами не объяснить резкий перепад в Усть-Сысольске доли сложных семей. Они лишь помогают понять, почему удельный вес сложных семей по сравнению, скажем, с сегодняшним днем, был относительно высок.

Усложнение состава семьи связано прежде всего с политикой правительства, направленной на ограничение разделов семей. Но, спрашивается, какое дело было властям до чисто семейных проблем? Оказывается, очень даже большое, и касалось это практики формирования армии. В армию набирали рекрутов, которые в разное время служили от 10 до 25 лет. Рекрутскую повинность несли все податные сословия, в том числе и мещане. Рекрутская очередность семей определялась в зависимости от числа работников-мужчин. Понятно, что на первом месте стояли большие семьи – для них потеря одного взрослого мужчины была менее чувствительной. Из семей с одним работником-мужчиной рекрутов не брали, поскольку его потеря означала развал семейного хозяйства. Такая семья не могла нести груз податей и повинностей, что государство, естественно, не устраивало.

Чтобы избежать рекрутчины, большие семьи иногда специально делились на малые. Тогда правительство предприняло ответный ход: законодательно ограничило разделы. В 1823 году появляется указ Сената «О воспреещении казенным крестьянам из больших семей делиться на малые», по которому право на раздел давалось лишь при условии, что в семье оставалось не менее 3–4 работников в возрасте от 15 до 60 лет. Хотя в указе речь шла только о казенных (государственных) крестьянах, по-видимому, он применялся и к мещанам. К тому же уже в 1831 году этот указ, с некоторыми добавлениями, был продублирован в Уставе рекрутской службы. В «Правилах об очередности рекрутских очередей» 1837 года было записано, что «всякий раздел семейства, произведенный без разрешения Казенной Палаты, считается недействительным, самовольным. Сего раздела никогда ни в какое уважение не принимать, ... но все таким образом отделившиеся части семейства считать по-прежнему за одно семейство при всех видов повинностей и пошлин» [29].

Приведенная выдержка из правил о рекрутской очередности позволяет предположить, что часть больших семей существовала только на бумаге. К примеру, в 1872 году усть-сысольский мещанин Алексей Комлин обратился в городскую управу с просьбой выделить его в отдельный номер семейного списка, поскольку уже 33 года имеет «разнодомственное жительство» со своими двоюродными братьями, и Вологодская казенная палата удовлетворила его прошение [30]. Можно предположить, что в городе таких семей было меньше, чем в селе, поскольку в уездном центре государственный контроль был строже. Более вероятен такой вариант: в рамках одной большой семьи существовало несколько отдельных семейных «хозяйственных ячеек». В 1874 году рекрутчина была заменена всеобщей воинской повинностью, что сделало ненужным искусственное сдерживание разделов семей. По-видимому, уже с конца 60-х годов правительство смотрело на самовольные разделы сквозь пальцы. И усть-сысольские семьи возвращаются к привычной структуре – вновь обычной становится семья, состоящая из родителей с детьми.

На этом пока закончим рассказ о горожанах и перейдем к проблемам города – системе его управления, экономике, городскому хозяйству и финансах.



Глава 3. «ОТЦЫ ГОРОДА» И ИХ ЗАБОТЫ

Новый город начинается с новой власти. В этом устьсысольцы могли убедиться уже на следующий день после того, как стали горожанами. Еще и герба у города не было, и территория толком не отведена, и многомудрые государевы архитекторы еще только размышляли, как бы предать деревенскому Усть-Сысольску городской вид, а в город уже прибыли государственные чиновники, дабы достойно управлять «столицей зырянского края» и подчиненным ей уездом.

Полный «набор» органов управления и должностных лиц нового города был определен государевым «Учреждением для управления губерний» 1775 года. В Усть-Сысольске как центре нового уезда размещались все органы уездного управления. Главным органом уездной администрации был Нижний земской суд (в Усть-Сысольском уезде – соответственно Усть-Сысольский земской суд) во главе с капитаном-исправником, который исполнял полицейские функции (в его подчинении находилась земская полиция), приводил в исполнение законы и повеления Губернского правления. Судебная власть осуществлялась Усть-Сысольским уездным судом и Нижней расправой (последняя в Усть-Сысольском уезде уже в конце XVIII века была отменена). Кроме того, в уездном городе «пребывание и заседание» имели Уездный казначей, Присяжный Землемер, Уездный Стряпчий (судебный чиновник) и Лекарь (именно так – с большой буквы – прописаны эти должности в законе). Полагалась еще Дворянская Опекa, но ее в новом уезде не было по причине малочисленности дворянства.

Появление всех этих «государевых людей» особой радости устьсысольцам не доставило хотя бы потому, что всех их надо было где-то разместить на жительство, да еще и отвести соответствующий «казенный дом» для исполнения чи-

новниками своим многотрудных обязанностей. Посочувствуем горожанам, и на этом рассказ об уездных органах управления закончим, поскольку нас интересует сам город, а на него власть уездных чиновников не распространялась. Напомним, что, согласно «Учреждению для управления губерний», город выделялся в самостоятельную административную единицу со своими органами управления и подчиненной им территорией (естественно, и с обывателями, на ней обитавшими). Вот о том, как управлялся сам город, об «отцах города» – первых лицах городского управления – и их деятельности, о городских финансах (а как без них управлять городом?) и пойдет речь.

3.1. «В каждом уездном городе определяется городничей»

С 1775 года главным «государевым человеком» в уездном городе стал городничий – чиновник из дворян, подчинявшийся губернскому правлению (раньше такой должности не было). Городничий исполнял те же обязанности, что и капитан-исправник, только в пределах городской черты. Но, в отличие от капитана-исправника, выбиравшегося дворянским сословием или, как в Усть-Сысольском уезде, где не было дворянских имений, назначавшегося губернским правлением по представлению «трех достойных людей от Верхней Расправы», городничий утверждался в должности Сенатом по представлению губернского правления. Посему и отнесен был чин городничего к 8, а капитана-исправника – только к 9 классу Табели о рангах*, если, конечно, они не имели более высокого чина до вступления в эти

* По Табели о рангах 1722 г., восьмому классу соответствовало воинское звание майора и статского надворного советника, девятому – соответственно капитана и титулярного советника.

должности [1]. С 1802 года, когда было создано Министерство внутренних дел, городничие числились по этому ведомству (в 1811–1819 годах – по выделенному из состава МВД Министерству полиции).

У большинства наших современников представления о городничем связаны с незабвенным Антоном Антоновичем Сквозник-Дмухановским из «пройденного» в школьные годы городского «Ревизора». Николай Васильевич Гоголь нарисовал блестящий типический образ Первого лица города, «держашего в кулаке» всех городских чиновников и городские учреждения и «отечески заботящегося» о благе городских обывателей. Но «Ревизор» – литературное произведение, а не историческое исследование. Было бы странным, если бы в комедии автор нудно разъяснял читателю основы российского законодательства, определяющие права и обязанности городничего, тем более, что жители уездных городов – современники Гоголя – и без того поневоле были неплохо о них осведомлены.

Между тем, согласно российскому законодательству, права и обязанности городничего вовсе не были такими уж всеобъемлющими. И уж тем более эта должность не может ассоциироваться с современной должностью главы городской администрации (мэра города). Скорее уж его можно сравнить с начальником городского управления внутренних дел. Чтобы пояснить это, обратимся к «Учреждению об управлении губерний» 1775 года, подробно определяющему права и обязанности этого государственного чиновника. Заметим, что этим документом российский городничие руководствовались вплоть до отмены сей должности во второй половине XIX века.

Обязанностям городничего посвящены статьи 253–276, выделенные в отдельную главу XIX «О городничем и его должности». Прежде всего процитируем статью под названием «Нравоучительное наставление городничему». Вот каким государством хотело видеть городничего:

«Городничему надлежит отправлять должность свою с непоколебимою верностию и ревностию к службе Императорского Величества, с доброхотством и человеколюбием к народу, с осторожною кротостию без ослабления во всех делах, и с непрестанным бдением, дабы установленный порядок всеми и каждым в городе сохранен был в целостности».

Основные функции этого государственного чиновника определены в названии статьи 254: «Городничему поручается. 1. городская полиция, или благочиние. 2. приведение во исполнение закона. 3. приведение в действие повелений правления, решений палат и прочих судов». В тексте статьи разъясняется, что именно имеется в виду под этими обязанностями:

«Городничий не судья, но долженствует по первым иметь бдение, дабы в городе сохранены были благочиние, добронравие и по-

рядок; второе, чтоб предписанное законами полезное в городе исполняемо и сохраняемо было, в случае же нарушения онаго, городничий по состоянию дела, не смотря ни на какое лицо, всякому напоминать может о исполнении предписанного законом: а в случае непослушания даст о том знать судебному месту для суждения виновнаго; третье, городничий в городе право имеет привести в действие повеления правления, решения палат и прочих судов».

В рамках исполнения этих обязанностей городничему особо предписывалось следить «дабы ни кто в противность подданического долга и послушания, в городе ни чего не предпринял и не учинил» (т.е. наблюдать за политической благонадежностью горожан), а ежели таковые окажутся, то предпринять меры к «смирению» их; пресекать «ослушание» и «насильство» и «истреблять» «скопища воров», предпринимать меры по борьбе с «прилипчивыми» болезнями (причем особо подчеркивалось, что, в случае эпидемий, городничий «город не покидает под опасением лишения места и чести») и «скотским падежем», смотреть за исправностью мостов и улиц, а также «казенных строений», заботиться о пожарной безопасности, оказывать содействие находящимся в городе воинским командам, поощрять обывателей «ко всякому роду дозволенного трудолюбия, рукоделия и промысла», иметь «особливое попечение» о нищих и убогих [2]. На практике же обязанности городничего были обширнее – он должен был следить за тем, чтобы горожане исправно платили подати и выполняли повинности, контролировать деятельность других городских учреждений, составлять отчеты о жизни города и так далее.

«Для предохранения общего блага от опасности» городничему полагалась «штатная команда», «за исправным состоянием» которой ему предписывалось «прилежное смотрение иметь». В обязанности «штатной команды» входило несение караульной службы при городских присутственных местах и охрана общественного порядка. В 1782 году был принят «Устав благочиния, или полицейский», согласно которому городничий был поставлен во главе управы благочиния (полицейской управы) – органа городского полицейского управления (о работе полиции мы еще расскажем подробнее). «Смотрение за благочинием», то есть охрана общественного порядка, и стало главной обязанностью городничего.

При таком немаленьком круге обязанностей городничий имел весьма скромный аппарат (не считая подчиненной ему «штатной команды»). Его канцелярия (городническое правление) состояла из «управляющего Городническим правлением» (секретаря-делопроизводителя) и двух-трех писарей. Эти три-четыре человека и выполняли всю рутинную работу по переписке, составлению отчетов и указаний.

Городничий и его аппарат как государственные служащие получали казенное жалованье. Надо заметить, что казна не очень-то баловала

чиновников уездного уровня. Жалованье городничего было небольшое, но вполне достаточное для безбедного жительства в уездном городке. А его подчиненные получали совсем немного, однако имели «полузаконный» приработок в виде платы за сочинение разного рода прошений и других официальных бумаг для неграмотных городских обывателей (о других, не совсем законных источниках доходов в виде «добровольных приношений» умолчим, однако ни одного судебного дела о взятках или жалобы на мздоимство местных чиновников нам не известно). Кроме того, чиновники имели право на оплату проезда «по казенной надобности».

Но государство не забыло и городское общество, переложив на него часть расходов на содержание городничего и городнического правления. Однако надо прямо сказать, что рабочее место городничего и его аппарата хоромами назвать было трудно, поскольку ограниченность в средствах заставляла «котцов города» по возможности экономить на «казенных зданиях» и всячески уклоняться от участия в «добровольной финансовой поддержке» городнического правления.

Пожалуй, труднее всех пришлось первому городничему. От того, что погост Усть-Сысольск в одночасье стал городом, новые подходящие здания для размещения немалого числа новых органов уездного и городского управления по мановению волшебной палочки не появились. В «Экономических примечаниях Генерального межевания» 1784 года сообщалось следующее: «Публичных и партикулярных каменных строений не имеется, а стоит одна казенная для присутственных мест деревянная связь*, в коем помещены Городническое управление, Нижняя расправа, Земской суд, Уездное казначейство, Городовой магистрат, а Дума находится в отведенном от общества в особливом доме» [3]. Надо полагать, устьсысольцы в спешном порядке сложили обыкновенную просторную деревенскую избу «на две половины» (две комнаты), в которой и разместились капитан-исправник с земским судом и городничий с городническим правлением, а заодно уездные (нижняя расправа) и городские (городовой магистрат) судебные органы, да вдобавок еще и казначейство в лице уездного казначея. Вот уж воистину «в тесноте, да не в обиде»! Зато как удобно – все проблемы уездного и городского управления можно было решать, не выходя на улицу.

Со временем городническое правление получило в свое распоряжение отдельное от городских и уездных органов власти помещение, поскольку в документах говорится, что городские и уездные присутственные места помещаются в отдельных зданиях. Но вообще-то мы мало знаем о том, где жил городничий и что из себя представляли и где находились здания городнического

правления. Судя по описанию начала 20-х годов XIX века, жилище усть-сысольского городничего, вероятно, «совмещенное» с правлением, не отличалось особенной роскошью («старинный дом городничего» стоял, «наклонясь на один бок», рядом с присутственными местами на центральной городской площади**) [4].

Для размещения своей канцелярии и полиции городничий был вынужден арендовать «наемные квартиры» в частных домах, поскольку у «городского общества» не было подходящего общественного здания, а строить новое оно не хотело. В 1847 году мещанин Михаил Семенович Латкин «при увольнении» (переводе) в «здешнее купечество» пожертвовал «городскому обществу» деревянный дом со службами на Покровской улице (20 квартал, плановые места № 374, 375). Вот в него-то в 1849 году и переехало городническое правление. «Щедрость» «городского общества» объясняется очень просто – дом был старый и мало пригодный для жизни (сам Латкин, вероятно, потому и пожертвовал его, что более 25 лет не жил в Усть-Сысольске). В феврале 1850 года исполняющий должность городничего судья Протопопов был вынужден заключить контракт с чиновницей вдовой Е.А.Воронцовой на аренду на год ее дома на Сухановской улице (16 квартал, плановое место № 290), поскольку находиться в доме Латкина было совершенно невозможно.

Дума, обеспокоенная тем, что придется платить за аренду, настойчиво предложила городническому правлению переехать обратно, причем думская комиссия нашла, что дом «находится в самом удобном месте и довольно хорошо в виде», разве что небольшие «поправки» надо произвести. Дума «донесла» о сем в губернское правление, просив оное заставить городническое правление принять «подарок». Городничий все же переехал в дом Латкина, но настойчиво требовал произвести ремонт, в чем его поддержало губернское правление. Дума была вынуждена подчиниться, ремонтные работы на 43 руб. 43 коп. серебром были произведены. Но закончилась вся эта история печально – 29 декабря 1850 года «общественный дом, занимаемый Городническим правлением... сгорел со всеми производящимися делами». Дальше начинается новая, не менее интересная бюрократическая история о том, как дума пыталась получить деньги за ремонт сгоревшего дома с губернского правления. Но тут уж она переоценила свои силы – с губернскими бюрократами городским было не справиться [5].

О самих городничих и их многотрудной деятельности мы знаем очень немного. Некоторых даже по имени назвать не можем. Виной тому пожар 1850 года, уничтоживший весь архив Городнического правления. Приходится довольствоваться теми сведениями, которые содержатся в переписке городничих с городской думой и

* Имеется в виду так называемый дом-связь, состоящий из двух изб, соединенных сенями, – один из самых распространенных типов домов в сельских поселениях (подробнее см. главу о городской застройке).

** Центральной в 20-е годы XIX века считалась Соборная площадь. Стефановская, определенная центральной, еще не была застроена и существовала только на плане городской застройки.

некоторыми другими учреждениями, сохранившейся в их архивах, а также некоторыми отчетными документами правления, представленными в вышестоящие инстанции.

Обычно на должность городничего в маленькие уездные города назначали отставных офицеров среднего ранга из неродовитых семей, для которых эта служба была своеобразным пенсией за многолетние труды на благо Отечества. Первым усть-сысольским городничим был капитан Огибалов, о котором мы ничего не знаем. В 1785 году упоминается городничий Левашов, в 1803 – Александр Ефимович Фондельден. В разное время на этой должности состояли надворный советник Николай Борисович Самарин (как минимум с 1811 и до 1819 года), Булахов (1821–1833), штаб-ротмистр Иван Львович Шульц (1836–1840), отставной капитан драгунского полка Лескевич (1841–1849), Владимир Александрович Кожевников (1850–1853), Гривакин (вторая половина 50-х гг.). Последним этот пост с 1860 по 1863 г. занимал поручик и кавалер Иван Захарович Коломейченко, «человек строгий, строптивый, его все боялись, симпатий к нему никто не имел» (так вспоминала о нем учительница Ф.И.Забоева) [6]. Как видим, никто из них, за исключением Самарина (чин надворного советника соответствовал армейскому подполковнику), не дотягивал до определенной Табелю о рангах для этой должности майорского чина.

Бывало, и нередко, что место усть-сысольского городничего, по-видимому, не очень притягательное (все-таки самый отдаленный город Вологодской губернии), годами пустовало, а городничего заменял кто-либо из городских чиновников. Так, Усть-Сысольск прожил без городничего весь 1820 год, долго отсутствовал он и в 1836 году (до назначения И.Шульца эту должность исполнял судья Нечаев). После кончины на своем посту в ноябре 1840 года Ивана Шульца должность городничего довольно долго исполнял уездный судья Григорий Цепочкин (городничий Лескевич вступил в должность только 12 марта 1841 года). Место городничего пустовало в 1850 и в 1853 годах (до назначения В.А.Кожевникова должность городничего исполняли частный пристав Попов и уездный судья Алексей Федорович Протопопов, а после его отъезда – дворянский заседатель Андрей Попов и уездный судья Воронин) [7].

Усть-сысольские городничие были избавлены судьбой от необходимости совершать подвиги в борьбе с «воровскими шайками» и эпидемиями – таковых в городе, к счастью, не случалось. Обошлось и без крупных пожаров, хотя, конечно, дома в деревянном Усть-Сысольске время от времени горели (в том числе сгорели и городские присутственные места, и городническое правление). В Усть-Сысольске не помещали крупных воинских гарнизонов, и городничему, в отличие от многих своих коллег, не было нужды решать очень непростую проблему их размещения на постоянной и проритания. А с проблемами своей небольшой «инвалидной команды» он вполне справлялся.

Единственное, что доставляло городничему постоянные хлопоты, так это «выбивание» квартиры для единственного офицера и средств для ее отопления и освещения – городское общество постоянно пыталось сэкономить на этих расходах.

Не посещали город высокие гости, всегда доставлявшие большое беспокойство местным властям. Даже Вологодский губернатор ни разу не добрался до крайнего восточного уезда вверенной его управлению губернии (по крайней мере, о губернаторских визитах нам ничего не известно), не говоря уж об особах более высокого ранга. Губернские и даже столичные чиновники в Усть-Сысольске бывали, но, вероятно, никаких «особливых» нарушений не заметили, поскольку никого из городничих «за нерадение» не наказывали и с должности не снимали. Из всех усть-сысольских городничих разве что Н.Самарину пришлось принимать не совсем обычных «гостей», когда в феврале 1814 года в город прибыла партия пленных солдат наполеоновской армии. Но и они недолго «гостили» в городе на Сыsole – уже весной, когда война закончилась, их отпустили по домам.

В основном же усть-сысольские городничие занимались рутинной работой. Наипервейшей их обязанностью в бюрократическом государстве было доведение до местных органов самоуправления указов и распоряжений государственной власти, а также составление бесчисленных отчетов и справок. Например, ежегодно городничий должен был представлять в губернское правление «Годовой отчет по городу Усть-Сысольску», включавший множество сведений: о численности и сословном составе жителей города; «прибыли и убыли» населения, количестве всех городских зданий, площадей, мостов, огородов, церквей и пустопорожних мест, занятиях городских обывателей, о том, сколько и чего они тратят «на собственное продовольствие», торговле и торговых ценах, промышленности и ремеслах, городских доходах и расходах, общественных и исправительных заведений, даже о том, когда вскрылись и встали Сыsole и Вычегда. А губернское правление постоянно запрашивало дополнительные справки – то об урожайности хлебов, то о посадке картофеля, то об обычаях жителей и имеющих в городе «древностях». Одним словом, скучать городским чиновникам не приходилось.

Кроме того, городничие наблюдали за порядком, выполнением правил противопожарной безопасности и городской застройки, состоянием городских улиц и общественных зданий. Они вдумчиво осматривали состояние городских улиц и тротуаров, проверяли дымоходы, поскольку пожары чаще всего возникали именно от «нечистоты труб», состояние общественных зданий (особенно внимательно городничие следили за «казенными» постройками – винным и соляным «магазинами», пороховым погребом, сторожевыми будками, казармой и, конечно же, городской тюрьмой). Однако же закон запрещал городничему самому выносить решения по устранению

«отдельных недостатков» и налагать взыскания, в том числе штрафы. О выявленных «безобразиях» он докладывал городской думе, испрашивая у нее, «не сообразовал ли оная Дума» принять меры по их устранению. Разумеется, нас не должен вводить в заблуждение просительный тон посланий городничего – это не более чем принятые правила делопроизводства. Конечно же, усть-сысольские «отцы города» были обязаны учитывать «мнение» главного городского представителя государства, поскольку они прежде всего были подданными Его Императорского Величества со всеми вытекающими отсюда последствиями, а уж потом «выборными лицами городского управления». И тем не менее решения принимали именно органы городского управления, а не городничий. А если последний хотел кого-то наказать, то должен был обращаться в суд, поскольку только таковой мог вынести решение о штрафе или другом наказании.

Городничие благополучно управляли российскими городами без малого сто лет. Эта должность была упразднена лишь в рамках реформ 60–70-х годов XIX века, когда была реорганизована и система управления уездами и городами. 25 декабря 1862 года были утверждены «Временные правила об устройстве полиции», согласно которым полицейские службы уезда и уездного города (земской капитан-исправник и земской суд в уезде и городничий со своей канцелярией в городе) были объединены в уездное полицейское управление во главе с исправником, назначаемым губернатором. В 1863 году последний усть-сысольский городничий Коломейченко сдал свои полномочия и покинул город.

3.2. «Дозволяется составить общую городскую думу»

С преобразованием Усть-Сысольска в город новоиспеченные горожане получили право участия в выборах своих представителей в ряд учреждений, игравших большую роль в городской жизни. Впрочем, «Учреждения для управления губерний» не предусматривали создания органов городского самоуправления, так что первому городничему – капитану Огибалову, в отличие от его последователей, не пришлось иметь дело с городской думой. А вот городской голова в Усть-Сысольске появился, но поначалу это была довольно скромная должность, связанная не с управлением городом, а с «делами судейскими». Выборами городского головы, городского (мещанского) старосты и некоторых других членов судебных органов пока участие усть-сысольцев в решении городских дел и ограничилось.

Еще в начале 20-х годов XVIII века, в ходе многочисленных преобразований системы местного управления Петром I, в городах были созданы выборные городские магистраты (ратуши), которые вели учет податного населения, распределяли подати и повинности, занимались размещением войск, контролировали работу городских предприятий, паспортный режим, а также рас-

сматривали гражданские споры и уголовные дела, то есть выполняли и административные, и судебные функции.

Екатерина II сохранила эти органы городской власти, но в «Учреждении для управления губерний» было уточнено, что «в городах остаются имеют Городовые магистраты», а «Ратушам быть только по посадам». Однако в законе 1775 года о магистратах говорилось только как о судебных органах. Городовые магистраты подчинялись губернскому магистрату, являвшемуся надзорной инстанцией, а также обязаны были исполнять распоряжения губернского правления. Магистрат был выборным органом – входившие в его состав два бургомистра и четыре ратмана избирались купцами и мещанами раз в три года (как правило, бургомистерские должности занимали купцы, а ратманские – мещане, причем они могли переизбираться и на новый срок). Кроме того, два ратмана представляли магистрат в управе благочиния, куда переносился ряд мелких судебных дел.

Общественные должности бургомистров и ратманов были весьма хлопотными, поэтому большинство горожан не очень-то стремились их занять. Известен почти анекдотический случай, произошедший с уже известным нам мещанином Михаилом Семеновичем Латкиным (тем самым, который пожертвовал свой дом городскому обществу). Оказывается, этот усть-сысольский мещанин с 1815 года проживал с женой и детьми в далеком Читинском остроге Нерчинского округа Иркутской губернии, где, вероятно, занимаясь «торговлишкой», нажил капиталец и заслужил уважение сограждан, о чем говорит тот факт, что он дважды избирался старостой местной церкви. Вот его-то усть-сысольцы в 1840 году и избрали ратманом. А предыдущий срок с 1835 по 1839 годы ратманскую должность исполнял его брат Григорий, который, по крайней мере в 1840 году, проживал все в том же Читинском остроге. Причем выборы были совершенно законными: братья числились членами усть-сысольского городского общества, посему имели право избираться и быть избранными (в законе не говорилось, что они обязательно должны жить в городе). Михаил Латкин обратился в городской магистрат со слезным прошением не допустить разорения его семейства и освободить от занятия выборной должности, упирая на то, что брат Григорий уже отбыл ратманскую «повинность», а сам он является церковным старостой и даже похвальный лист от Иркутской консистории имеет (о чем и справку от приходского священника представил). Городская дума, куда было переправлено прошение новоиспеченного ратмана, просьбу Латкина удовлетворила [8].

В компетенцию магистрата входили и уголовные, и гражданские дела, а также регистрация купчих на строения и землю. Но магистрат не имел права самостоятельного возбуждения дел. Бургомистр и ратманы «принимались за дело или по жалобе, или иску частных людей, или стряпчих, или по сообщению другого суда, или городского, или по повелению той губернии Намест-

нического правления, или палат, или Губернского магистрата». Исполнять решения магистрата обязан был городничий. Большой помехой в работе магистрата, равно как и других судебных органов, был сословный характер судопроизводства. Если возникал спор, к примеру, между крестьянином и мещанином, то магистрат должен был рассматривать дело совместно с равным ему по статусу уездным судом [9].

При городском магистрате «на прежнем основании» был сохранен словесный суд, ежегодно избираемый из купцов и мещан. Он рассматривал мелкие конфликты и тут же выносил устное решение. Кроме того, при нем же был учрежден «городской Сиротский суд для купеческих и мещанских вдов и малолетних сирот». В сиротском суде председательствовал городской голова, избравшийся «городским обществом» на три года, а заседали два члена магистрата и городской (мещанский) староста, избравшийся ежегодно. В обязанность городского головы входило выявление в городе вдов и сирот и донесение о них в сиротский суд, который мог заниматься «попечением о вдовах и сиротах» либо по их личному заявлению, либо по уведомлению своего председателя. Бросается в глаза явное несоответствие наименования должности (оно больше подошло бы главе городского самоуправления) весьма скромным обязанностям председателя второстепенного судебного органа.

Изъяны такой системы городского управления были очевидны. К примеру, не очень понятно, кто же должен был заниматься собственно городским хозяйством и, в частности, бюджетом. Однако не прошло и пяти лет с преобразования Усть-Сысольска в город, как последовала новая реформа, касавшаяся всех сторон жизни российских городов. 21 апреля 1785 года императрица Екатерина II подписала «Грамоту на права и выгоды городам Российской Империи» («Жалованную грамоту городам») – важнейший документ, определивший сословный состав городского общества, его права и обязанности и существенно изменивший систему городского управления [10].

Напомним, что городские обыватели были поделены на шесть разрядов и тем самым законодательно закреплены за определенным сословием. Был заведен важнейший регистрационный документ – Городская обывательская книга (список обывателей по разрядам с указанием семейного положения, сведений о детях, недвижимости, занятиях, постоянном или временном проживании в городе, службе в органах городского управления). Обыватели, занесенные в Городовую книгу, составляли «общество градское». Сложность заключалась в том, что законодательство различало «обывателей вообще» и «обывателей в особенности» («граждан»): к первым относились все постоянные жители города, ко вторым – представители собственно городских сословий (купечества, почетных граждан, мещан и посадских, цеховых и ремесленников). Но не было дано четкого ответа на вопрос, кто, собственно, составляет городское общество и соот-

ветственно пользуется предоставленными ему правами. Обычно к городскому обществу относили «обывателей в особенности», что, как ни странно, исключало из него дворянство, поскольку оно не относилось к городским сословиям.

«Обществу градскому» дозволялось иметь свой дом для собраний, печать с городским гербом, писаря, заводить «особливую казну своими добровольными складами». С разрешения первого лица в губернии созывались «собрания общества градского» «как для дозволенных городским обывателям выборов, так и для выслушивания предложений Генерал-губернатора или Губернатора». Закон разрешал проводить такие собрания каждые три года в зимнее время, однако среди выборных должностных лиц были и такие, которых по тому же закону полагалось переизбирать ежегодно, что вносило путаницу в организацию и без того непрустой системы выборов.

Интересно, что по прибытии в избирательное собрание все избиратели давали клятву честно участвовать в выборах. Вот ее текст начала XIX века:

«Я, нижеподписавшийся, обещаюся и клянуся всемогущим Богом, пресвятым его евангелием в том, что хочу и должен при предложении выборе градского главы, бургомистров, ратманов, гласных, словесных судей, и градского старосту из собрания сего города по чистой моей совести, без пристрастия и собственныя корысти, еще меньше по дружбе и вражде выбрать такого, котораго нахожу способнейшим и чистыя совести и от которого я надеюсь, что он в возлагаемом на него сем общем деле, окажет себя верным рабом ЕГО ИМПЕРАТОРСКОГО ВЕЛИЧЕСТВА, естли же при сем выборе инако поступлю, то подвергаю себя как нерадивый о пользе и благе всего отечества, в котором и мое собственное заключается имя, в нынешней жизни всеобщему своим сограждан презрению, и в будущей пред Богом и судом его страшным ответу, в заключении же сея клятвы о безпристрастном выборе градского главы, бургомистров, ратманов, гласных словесных судей, и градского старосты – целую слова и крест спасителя моего. Аминь» [11].

Присутствовать на этих собраниях и, соответственно, избирать и быть избранными могли только мужчины старше 25 лет, имеющие капитал, «с которого проценты» выше 50 рублей. Этот достаточно высокий имущественный ценз позволял участвовать в «собрании общества градского» только немногочисленному купечеству и небольшому числу хорошо обеспеченных мещан – общее число выборщиков редко превышало 100 человек, причем далеко не все пользовались своим избирательным правом. Например, в 1813 году в общем выборном собрании (том, которое проводилось раз в три года) приняли участие всего 76 человек, а в ежегодных выборах участвовало

и того меньше – в 1821 году, например, 41, а в 1833 году – только 25 человек [12]. Причем этого было вполне достаточно для того, чтобы считать выборы состоявшимися, поскольку «явочный барьер» установлен не был.

Все выборные должности перечислены в клятве избирателей. Немногочисленная верхушка «общества градского» раз в три года выбирала городского голову, бургомистров, ратманов и гласных, ежегодно – городского старосту и судей словесного суда. Показательно, что, хотя закон этого специально не оговаривал, запрещалось проводить безальтернативные выборы. В Усть-Сысольске их и не проводили, но обычно двумя кандидатами на должность и ограничивались.

Среди перечисленных выборных лиц мы видим уже знакомых бургомистров и ратманов. Действительно, городские судебные органы были оставлены без изменений. Городовой магистрат по-прежнему состоял из двух бургомистров (по одному от купцов и мещан) и четырех ратманов (как правило, мещан). В словесный суд при магистрате выбирали двух словесных судей, а сиротский суд состоял из городского головы (председателя суда), старосты и двух членов магистрата. Два ратмана, как и ранее, заседали вместе с городничим в управе благочиния.

Однако присутствует и новая выборная должность – гласные. Ее появление связано с важнейшим нововведением «Жалованной грамоты городам»: разрешением городским обывателям «составить» орган самоуправления – городскую думу. Точнее, закон предусматривал создание двух сословных органов самоуправления практически с одинаковыми функциями. Каждые три года граждане, имеющие право голоса, должны были избирать гласных в городскую общую думу, а затем уже только гласные общей думы по каждому из шести разрядов, на которые было разделено городское общество, выбирали по одному представителю в городскую шестигласную думу.

Создание органов самоуправления существенно изменило статус уже существовавших выборных должностей городского головы и городского старосты. Городской голова становился председателем обеих дум и, таким образом, первым лицом в городском самоуправлении. Городовой староста из мещан теперь подчинялся городской думе, став, по существу, нижним звеном исполнительной власти.

Однако действительность внесла свои поправки в установления российских законодателей. Общая дума, особенно в маленьких городах, где число избирателей было невелико, оказалась явно лишним звеном городского самоуправления. В Усть-Сысольске, как и в подавляющем большинстве городов Российской империи, она не избиралась. Более того, городская дума не была и шестигласной. В Усть-Сысольске выборы проводились только по купеческому и мещанскому разрядам, поскольку другие просто отсутствовали. Таким образом, Усть-Сысольская городская дума состояла из трех человек – городского головы и двух гласных (по одному от купцов и мещан).

Должность городского головы могли занимать только представители «именитого купечества». В маленьких, не отличающихся бурной торгово-промышленной деятельностью, городах, подобных Усть-Сысольску, выбор таких был очень невелик. Городской голова обычно избирался из купцов второй гильдии, поскольку первогильдейское купечество в Усть-Сысольске было большой редкостью. Надо заметить, что купечество не очень-то рвалось занять этот пост – должности городского головы и гласных, конечно, были почетными, но хлопотными и недоходными (голова, равно как и гласные, был «общественником»), а главное, давали мало реальной власти.

В начале XIX века должность городского головы занимали представители самой именитой купеческой семьи Усть-Сысольска Сухановых – Степан Григорьевич (1811–1813, 1823–1825, 1826–1828) и Алексей Иванович (1814–1816), а в 1820–1822 и 1832–1834 годах – бывший приказчик и подрядчик С.Г.Суханова Павел Васильевич Колегов, ставший купцом второй гильдии. В 1817–1819 и 1829–1831 годах городским головой был купец Афанасий Михайлович Забоев, а в 1835–1837 годах – Матвей Матвеевич Новоселов – один из крупнейших местных торговцев хлебом, снискавший известность и как благотворитель.

После М.Новоселова должность городского головы почти два года исполняли гласные Игнатий Сорвачев и Алексей Забоев. В 1839 году городским головой был избран купец Николай Максимович Латкин, но в начале 1841 года он скончался, и пришлось проводить новые выборы. Среди возглавлявших городскую думу в 40–60-е годы XIX века – купцы Осип Степанович Лыткин (1841–1843), Иван Васильевич Забоев (1844–1846), брат О.С.Лыткина Петр Степанович Лыткин (1847–1849), Иван Матвеевич Новоселов – сын бывшего городского головы М.М.Новоселова (1850–1852), Николай Александрович Попов (1854–1856, 1871–1873), Алексей Степанович Забоев (1857–1859, 1865–1867), один из самых крупных предпринимателей за всю историю Усть-Сысольска Михаил Николаевич Латкин, записывавшийся и в первую гильдию, сын бывшего городского головы Н.М.Латкина (1859–1864, два срока подряд), Иван Назарович Забоев (1868–1870). Большинство из них, оставившие свой след в истории города не только как предприниматели и первые лица городского самоуправления, еще не раз будут упоминаться в нашем рассказе. Характерно и то, что они и до, и после избрания городским головой занимали различные общественные должности.

К примеру, долгим – более сорока лет – и плодотворным было общественное служение купца Ивана Назаровича Забоева. Он принимал активное участие в работе органов самоуправления, созданных в результате реформ 60–70-х годов XIX века, – выбирался от города гласным Усть-Сысольского уездного земского собрания, много раз был гласным городской думы. О том, каким авторитетом он пользовался, говорит такой факт: последний раз он был избран в думу и даже балло-



И.Н.Забоев –
городской голова
в 1868–1870 гг.

тировался на должность городского головы в 1891 году, когда ему было уже 77 лет.

Николай Александрович Попов был последним городским головой в «старой думе», а затем – первым в «новой». В общей сложности он возглавлял городское самоуправление 13 лет, больше, чем кто-либо. Как и другие «именитые купцы», Н.А.Попов исполнял многие общественные должности: еще в 1840–1843 годах, когда ему не было и 30 лет, служил по выбору ратманом, в 1860–1866 годах был почетным блюстителем духовно-приходского училища и удостоился благодарности Синода за пожертвования в пользу старейшей школы города, в 1862–1865 годах – старостой Троицкого собора, после ухода с поста городского головы был земским деятелем, избирался в городскую думу [13].

Как уже упоминалось, первая городская дума помещалась «в отведенном от общества в особливом доме», отдельно от городского магистрата и городнического правления. В 1812 году сгорело здание городских присутственных мест. Вероятно, это и было первое здание думы, поскольку в нем сгорел весь городской архив*. Скорее всего, «погорельцы» переехали в дом городского магистрата на Набережной улице, громко именовавшийся ратушей (не та ли это изба, в которой магистрат изначально соседствовал с городничим и капитаном-исправником?). Известно, что в 1844 году городские власти решили «на месте общественного старого дома, состоящего в 21 квартале на косом угловом № 383 выстроить хозяйственным образом новый дом для городских присутственных мест», в котором должны были разместиться дума, магистрат, сиротский и словесный суды (этот дом находился на углу улиц Сухановской и Спасской). В 1846 году план и фасад деревянного на каменном фундаменте дома был Высочайше утвержден. Строили не торопясь – основные работы были закончены только осенью 1849 года. Тогда же, вероятно, в новое здание и переехали городская дума и магистрат с подведомственными ему судами, хотя исправление «отдельных недоделок» продолжалось и в 1850 году [14].

* По этой причине мы почти ничего не знаем о работе органов городского самоуправления конца XVIII – начала XIX веков.

Однако новый дом оказался тесным да к тому же не очень качественно выстроенным. Вот выписка из журнала собраний городской думы от 8 октября 1857 года, характеризующая условия работы органов городского самоуправления и суда:

«Магистрат, Дума, Сиротский и Словесный Суды помещаются все вместе в одном общественном деревянном доме, но чрезвычайно тесном и совершенно не удобном, так что присутствие Думы и Магистрата отделены от передней одной тонкой досчатой переборкой, чрез которую не только что можно слышать всю тайну присутствия, ... но даже все можно видеть. Самыя присутственные коморы равно и передняя, так тесны, поэтому просители в городском магистрате по необходимости бывают в самой канцелярии и видят тут все делопроизводство вольнонаемных писцов. И собственно посещение Думы чрезвычайно неудобно, в которой нет вовсе комнаты для сбора общества и по неимению общественной залы собираемые граждане для совещания ... и пользе общества и для выборов лиц в должности по закону установленных бывают большая часть в сенях на улице даже и в зимнее время, поэтому и расходятся раньше обычного, не дожидаясь конца совещаний, некоторая часть в присутствии. И как все они бывают по разным местам, то очень трудно и неудобно бывает согласовать их различные мнения в отношении суждения дел касающихся целого общества, а все это происходит единственно от неимения общественной залы, в канцелярии же довольно тесной кроме писцов, взыскиваются городским старостой подати с целого общества, и при взыскании податей, невольно писцы Думы постоянно бывают отвлекаемы от занятия платильщиками податей, которые подходят к самым столам канцелярии и при платеже податей нередко читают текущие бумаги Думы, кроме того в этой же самой канцелярии бывает раскладка подписей производимых целым обществом, то в это время писцы Думы остаются почти что без занятия. Самыя архивы как в Думе так и магистрате до того тесны, что дела лежат на полу отчего и бывают в другой раз в беспорядке, сверх сего в зимнее время все вообще помещения занимаемые присутственными местами бывают чрезвычайно холодны от того, что все полы, потолки ... требуют большой починки, другие и совершенной перекладки, оконные косяки необходимо срочно проконопатить равно и самыя стены, кирпич фундамента дома во многих местах развалился и требует непременно починки...» [15].

«Отцы города» приняли решение «для Городской Думы выстроить совершенно отдельный

удобный новый дом с помещением в оном кроме Думы еще Словесного и Сиротского судов, архивов, залы для собрания общества и общественного банка, предполагающего открыться в Устьсысольске», а старый отремонтировать и переделать для размещения в одной его части городнического правления, а в другой – магистрата (дума резонно рассудила, что это выгоднее, чем платить за аренду частного дома для канцелярии городничего). Комиссия нашла перестройку вполне возможной и размещение городнического правления в старом доме городской думы резонным, но только в том случае, если рядом будет построен отдельный флигель для размещения пожарной команды. Была составлена и смета расходов более чем на 500 руб. Строительство затянулось, но все же в 60-е годы городская дума переехала в новое здание. Городническому правлению, впрочем, от этого легче не стало, поскольку к этому времени должность городничего уже была упразднена.

Городская дума не имела определенного графика работы. Она собиравшись когда ежедневно, когда – раз в три-четыре дня, а когда и раз в неделю для рассмотрения текущих дел и принятия по ним решений. В заседаниях думы обычно участвовал еще и уездный стряпчий, в обязанности которого входило представительство интересов «общества градского» в судебных инстанциях. Все рассматриваемые на заседаниях вопросы и решения по ним записывались в объемистую «Книгу заседаний Усть-Сысольской городской думы» и скреплялись подписями присутствующих.

Этот основной документ «занятий» думы составлял думский секретарь, на котором, вместе с подчиненными ему писарями думской канцелярии, лежала подготовка многочисленных справок и отчетов и ведение всей переписки. «Отцы города» были людьми занятыми и для составления бумаг времени не имели. К тому же все они имели «домашнее образование» и, за редким исключением, не отличались особенной грамотностью. А среди гласных встречались и вовсе не грамотные, за которых «руку прилагали» их более образованные коллеги (как правило, тот же секретарь).

Согласно «Городовому положению» городская дума была призвана решать широкий круг вопросов. В ее обязанности, сформулированные довольно расплывчато, входило:

1. доставить жителям города нужное пособие к их прокормлению и содержанию;
2. сохранять город от ссор и тяжб с окрестными городами и селениями;
3. сохранять между жителями города мир, тишину и доброе согласие;
4. возбранять все, что доброму порядку и благочинию противно, оставляя однако ж относящееся к части полицейской исполнять местам и людям, для того установленным;
5. посредством наблюдения доброй веры и всякими позволенными способами поощрять привоз в город и продажу всего, что ко благу и выгоде жителей служить

может; 6. наблюдать за прочностью публичных городских зданий, стараться о построении всего потребного, о заведении площадей, для стечения народа на торгу, пристаней, анбаров, магазейнов и тому подобнаго, что может быть для города потребно, выгодно и полезно; 7. стараться о приращении городских доходов на пользу города и для разпространения заведений по приказу общественного призрения; 8. разрешать сомнения и недоумения по ремеслам и гильдии в силу сделанных о том положений.» [16].

В числе главных вопросов, рассматриваемых Усть-Сысольской городской думой, был бюджет города и вообще вопросы финансовые. При этом городская дума в первой половине XIX века, при отсутствии в Усть-Сысольске банка, выполняла еще и роль финансово-кредитного учреждения, выдавая местному купечеству ссуды под проценты из запасного городского капитала. Разумеется, рассчитывать на получение ссуды могли только городские предприниматели, имевшие «связи». Так, в 1814 году ссуду в 1000 рублей под 6% годовых получил купец второй гильдии Степан Григорьевич Суханов, только что сложивший с себя полномочия городского головы. В иные годы выдавалось в виде ссуды до 3000 рублей. Эти выплаты включались в доходно-расходную часть бюджета. Такая практика существовала до 1870 года, когда губернское правление признало невозможным удовлетворить ходатайство думы «относительно раздачи городского запасного капитала под векселя местным купцам» (к этому времени уже существовал Усть-Сысольский общественный банк) [17].

Однако на страницах журналов думских заседаний не найти упоминаний о масштабных программах развития городского хозяйства, промышленности и культуры. Главная причина в том, что финансовые возможности городского органа самоуправления были весьма ограниченными. Доходная часть городского бюджета складывалась из сборов в пользу города, составлявших 1% от стоимости городской недвижимости или свидетельств на право торговли и промыслов, сборов с объявленных купеческих капиталов (от 0,5 до 1,25 % с рубля), платы за городскую землю, «отдаваемую купцам и мещанам под хлебопашество и сенокосение» и занимаемую промысловыми предприятиями и заведениями («заводами», кузницами, и т.п.), за пользование принадлежащими городу зданиями (к примеру, торговыми рядами и лавками на базарной площади), многочисленных мелких платежей. Большую часть доходов (иногда до 80%) составляли платежи за пользование городской собственностью. Кроме того, по приговору городского общества, могли собираться деньги на различные «общественные нужды».

В зависимости от «наполнения» отдельных статей доходная часть бюджета в разные годы весьма существенно различалась (надо заметить, что собрать всю положенную сумму никогда не удавалось). Например, в период с 1812 по 1839

годы самым «неурожайным» был 1817 – всего 4,5 тыс. руб., а самым прибыльным – 1820, когда было собрано более 5,5 тыс. руб. (без учета ссудных сумм). Итого на каждого горожанина приходилось немногим более 2 рублей дохода. В 40-60-е годы XIX века доходная часть городского бюджета исчислялась в пределах 3-4 тыс. рублей – это максимум по 1,3 рубля на одного усть-сысольца. Такие небольшие доходы в то время имело большинство российских городов. К примеру, в 1856 году только 4 городских поселения имели доход свыше 100 тыс. руб., 99 – от 10 до 100 тыс. руб., 459 – от 1 до 10 тыс. руб., и 85 – менее 1 тыс. руб., а в среднем на одного горожанина, за исключением жителей нескольких «богатых» городов, приходилось всего по 1,18 рубля доходной части бюджета – еще меньше, чем в «столице зырянского края» [18].

Но и этими относительно небольшими суммами российские органы городского самоуправления в полном объеме не распоряжались. Городские расходы расписывались на обязательные и необязательные. Какие статьи должны были войти в «расходы обязательные», определяло государство. Например, в 1814-1816 годах Усть-Сысольская городская дума выделила 8171 руб. 44 коп. на оплату «городских повинностей» по следующим «отделениям»: «по полицейскому управлению» – 1034 руб. 64 коп., «по управлению судебных мест» – 4291 руб. 42 коп., «по устройству и содержанию общих городских предметов» – 1348 руб. 30 коп., «по предмету содержания воинских помещений» – 1278 руб. 16 коп., «по предмету удовлетворения квартирами лиц и мест, имеющих право» – 218 руб. 92 коп. [19]. Первые две статьи, впоследствии объединенные в раздел «содержание лиц и мест городского управления», включали оплату труда канцелярских служащих и покупку «расходных материалов» (бумаги, чернил и т.д.), расходы по содержанию принадлежащих городу зданий городского управления и городских присутственных мест либо арендную плату, если эти учреждения помещались в частных, а не в принадлежащих городскому обществу домах.

Нетрудно подсчитать, что на удовлетворение собственно городских нужд государство обязывало истратить не более половины общей суммы, а остальное предназначалось на содержание государственных учреждений. Государство исходило из того, что город – это прежде всего административная единица и, следовательно, должен вносить свой вклад («повинность») в содержание имеющих государственное значение служб – полиции, тюрем и пожарной части, армии, суда, почты и т.д. Разумеется, никакой финансовой поддержки из государственного бюджета город не получал.

Приведем для примера перечень городских расходов за 1818 год. Из общей суммы в 5046 руб. было потрачено: на содержание городского магистрата и думы (включая городническое правление, поскольку оно помещалось в одном доме с этими учреждениями) – 1640 руб. 30 коп., инвалидной команды – 120 руб., городской тюрьмы –

155 руб. 75 коп., пожарной службы – 112 руб. 50 коп., почтовых лошадей – 500 руб. 50 коп. (итого – ровно половина всех расходов). Кроме того, 1387 руб. было израсходовано на экипировку и отправку рекрутов (это еще 27,5% расходной части бюджета). Затраты на «собственно городские нужды» были значительно скромнее: на содержание «мостовой дороги и перевозов» – 860 руб. 30 коп., на прочистку труб – 30 руб., содержание больницы – 140 руб. 35 коп. и т.д. (в сумме немногим более 20% всех расходов) [20].

Или вот, к примеру, смета городских расходов на 1843 год: из 2269 руб. 69 коп. истрчено на «содержание мест городского управления» 1301 руб. 73 коп. (57%), в том числе на содержание канцелярий думы и магистрата со словесным судом – 560,5 руб., квартиры городничего – 100 руб., полиции – 21 руб. 14 коп. Содержание больницы обошлось в 600 руб., приходского училища – в 121 руб. 43 коп. А по статье «Ремонтные издержки по устройству города и на поддержание принадлежащих оному зданий» (ремонт дорог, будок, принадлежащих городу лавок, очистку труб и т.д.) было истрчено всего 214 рублей (менее 10% расходной части бюджета) [21].

В 1861 году расходная часть бюджета составила 3427 руб. 80 коп., из них на содержание мест и лиц городского управления ушло 2377 руб. 96 коп. (69%), содержание городских имуществ и наем от города помещений – 216 руб. 77 коп., «учебных, благотворительных и других общепольных заведений» – всего 197 руб., а на «наружное благоустройство города» и того меньше – 114 руб. 92 коп. (3,3%). Расходная часть бюджета 1870 года, одного из последних бюджетов дореформенного Усть-Сысольска, выглядела так: из 3779 руб. 98 коп. было израсходовано на содержание мест и лиц городского управления 2113 руб. 37 коп. (в том числе на содержание полиции – 719 руб. 29 коп.), что составило 55,9% всех расходов, на содержание городских имуществ – 246 руб. 46 коп., на наружное благоустройство города – 300 руб. (неожиданно много, целых 75 рублей, было истрчено на ремонт заборов и тротуаров перед городскими зданиями), на содержание учебных заведений – 300 руб., или 8% всех расходов [22]. Как видим, шли годы, а в структуре городских расходов мало что менялось.

Разумеется, заседания думы не сводились только к обсуждению финансовых вопросов. Дума рассматривала многочисленные жалобы и прошения мещан, связанные с городским имуществом (прежде всего земельными угодьями), распоряжалась выдачей займов из «городского капитала», в неурожайные годы распределяла по малоимущим семьям зерно из «запасного хлебного магазина», выделяла участки и выдавала разрешения на строительство обывательских домов и вырубку леса, контролировала торговую деятельность и даже занималось выпиской газет для городских учреждений.

Очень много времени занимали составление и утверждение многочисленных отчетов. Дума ежемесячно представляла губернатору «Ведо-

мость об успехах поступления в казну податей, недоимок и других разного рода денежных взысканий», каждые четыре месяца направляла в Вологду информацию о ценах на продовольственные товары, составляла годовые отчеты о составе населения, ремесленниках, торговле и землепользовании (причем все эти сведения входили и в отчеты городничего). В городскую думу непрерывным потоком шли приказы, распоряжения, указания, постановления из канцелярии Вологодского губернатора. Очевидно, что выполнять постановления губернских властей дума была обязана, даже если эти решения вызывали протест «городского общества».

Совершенно очевидно, что городская дума фактически рассматривалась как исполнительный орган государственной власти, а выборные городской голова и гласные как лица, ответственные за выполнение городом-административным центром предписаний власти. По существу, они и были государственными служащими, подотчетными Вологодскому губернскому правлению и Министерству внутренних дел, только без жалования (очень удобно для государственного бюджета).

Показательно, например, что, если городской голова или гласные имели надобность по своим делам отлучиться из города, то должны были не только получить на это разрешение от городской думы, но и поставить в известность об отлучке губернское правление. В 1863 году имел место такой эпизод: по рапорту Усть-Сысольской думы Вологодское губернское правление предложило Архангельской полицейской управе «сделать распоряжение о разыскании в городе Архангельске гласного Устьсысольской городской думы третьей гильдии купеческого сына П.В.Комлина и в случае отыскания обязать его подпиской о немедленной явке к месту службы» [23]. Государственная полиция была озабочена возвращением выборного лица к его общественному служению!

Городская дума фактически не имела права на самостоятельное принятие решений даже в пределах своей компетенции. Практически каждое значимое решение (например, по бюджету) должно было утверждаться как минимум губернскими властями. Бесконечная переписка с Вологодой и Петербургом длилась годами, зачастую так и не давая результата. Многие начинания городских властей сами собой «затухали» из-за волокиты или нехватки средств.

В итоге «административная опека, регламентация мельчайших подробностей деятельности городского управления, отсутствие бюджетного права городов при полной централизации, когда высшими правительственными учреждениями решались самые маловажные дела, ...имело результатом полный застой городских дел, ...беспомощность этих дум во всех городских начинаниях и почти всякое отсутствие признаков жизни органов городского управления» [24]. Не удивительно, что горожане равнодушно относились к выборам в органы городского самоуправления, а многие представители «именитого купечества» под разными предлогами старались избежать «общественного служения».

Русский историк А.Кизеветтер справедливо заметил, что «Городовое Положение Екатерины II... в своих основных руководящих идеях было обращено лицом к отдаленному будущему. Немудрено, что введенные этим Положением учреждения в своей практической постановке нисколько не отразили этих руководящих идей, а явились лишь теми новыми мехами, в которых продолжало киснуть прежнее вино» [25]. Это «прежнее вино» было вылито, да и то не полностью, только в 70-е годы XIX века, в эпоху Великих реформ Александра II.

3.3. «Новое законоположение о городском управлении и хозяйстве»

В 1861 году в Российской империи произошло великое событие: наконец-то было отменено крепостное право. Эта реформа ознаменовала начало целой серии преобразований, коренным образом изменивших многие стороны жизни огромного государства. Не осталась в стороне и система местного, в том числе городского, управления и судебных органов.

Как уже упоминалось, 25 декабря 1862 года были утверждены «Временные правила об устройстве полиции», реорганизовавшие систему охраны правопорядка и «похоронившие» такую важную в жизни уездного города фигуру, как городничий. Полицейские службы уезда и уездного города были объединены в уездное полицейское управление во главе с исправником, назначаемым губернатором. В результате судебной реформы 1864 года коренным образом изменилась система судопроизводства. Основным судебным органом на уровне уезда и города стал мировой суд, заменивший уездный суд и городской магистрат. Так одновременно с городничим ушли в прошлое такие значимые фигуры городской жизни, как бургомистр и ратманы.

Мировые судьи выбирались на уездных земских собраниях, а в городах – городской думой, но утверждались Сенатом. На эти должности избирались, как правило, городские чиновники и купцы. Например, в 1885 году участковым мировым судьей на трехлетний срок был избран дворянин, отставной майор Владимир Андреевич Попов (он в разное время был и гласным уездного земского собрания, и гласным городской думы), почетными мировыми судьями – чиновник по крестьянским делам, коллежский советник Ф.А.Арсеньев (известный писатель и краевед)*, лесни-

* АРСЕНЬЕВ ФЛЕГОНТ АРСЕНЬЕВИЧ (1832–1889) – уроженец Ярославской губернии, известный писатель и краевед. В 1858–1862 гг. был учителем Усть-Сысольского уездного училища, с 1862 по 1882 г. жил в Вологде, был учителем, секретарем губернского статистического комитета, редактором неофициальной части «Вологодских губернских новостей», организатором городской публичной библиотеки. С 1882 г. до своей смерти жил в Усть-Сысольске, занимал важные посты в судебных и земских органах. Автор книг «Зыряне и их охотничьи промыслы», «Охотничьи рассказы», ряда статей и очерков о Коми крае. Составитель книги «Ульяновский монастырь у зырян». Награжден тремя орденами.



Земская управа в начале XX века, ул. Трехсвятительская и Спасская



Здесь стояло здание земской управы

чий Н.Ф. Степанов, судебный следователь А.А. Федорович, коллежский секретарь М.И. Попов и городской купец А.М. Забобов [26]. В уездном центре собирався судебный орган второй инстанции – уездный съезд мировых судей. Более сложные дела решались в окружном суде, находившемся в губернском городе.

Одним из важнейших преобразований эпохи Великих реформ, непосредственно касающихся и городов, было введение местного самоуправления на уровне губерний и уездов. Его основы изложены в Высочайше утвержденном 1 января 1864 года «Положении о губернских и уездных земских учреждениях» [27]. Согласно этому положению жители уезда, в том числе и горожане, имеющие право голоса, каждые три года избирали земских гласных, составлявших уездное земское собрание. Выборы проводились по трем куриям: уездных землевладельцев, городской и сельской. Представителей от города избирали на городских избирательных съездах под председательством городского головы. В них могли участвовать купцы, владельцы крупных промышленных предприятий, владельцы недвижимости на сумму не ниже 1000 рублей (в городах с численностью жителей от 2 до 10 тыс., к каковым относился и Усть-Сысольск), а также доверенные от различных учреждений и организаций, имеющих в городе собственность, и владельцев недвижимости на указанную сумму, но не имеющих права голоса (в том числе женщин и несовершеннолетних).

В Яренском и Усть-Сысольском уездах первые выборы в уездные земские собрания прошли в конце 1866 – начале 1867 годов, а открылись они только осенью 1869 года. Из-за высокого имущественного ценза в выборах могли участвовать очень немногие – в Усть-Сысольске, например, в первых выборах – всего 24, а во вторых, в 1873 году, – 33 человека, в том числе купцы первой гильдии М.Н. Латкин и И.В. Алсандров из Вятской губернии, 15 купцов второй гильдии (из них – пятеро иногородних), 5 купеческих вдов и наследников, мастерской одного из горных заводов Пермской губернии В.С. Косолапов (позднее – купец второй гильдии, управляющий Кажимскими заводами) и 10 крестьян (в том числе один из Вятской губернии), торгующих по купеческим свидетельствам, зарегистрированным в Усть-Сысольске. Из этого числа избирателей к городскому обществу относились 12, а принявшие участие в выборах всего 8 человек. В последующие годы с ростом численности городского населения число выборщиков возросло – в 1882 году, например, в выборах могли участвовать уже 54 устьсысольца, что составляло немногим более 1% городского населения [28].

Всего избирались 14 гласных, в том числе двое от городской курии (кроме того, в состав собрания назначались два-три чиновника Министерства государственных имуществ). На самом же деле Усть-Сысольск был представлен в уездном земском собрании более солидно, поскольку из пяти гласных, избираемых по первой курии, большинство, а иногда и все, были крупными по мест-

ным масштабам землевладельцами и предпринимателями из городских купцов и дворян.

К примеру, в 1883–1885 годах в Усть-Сысольском уездном земском собрании заседали избранные по первой курии городские купцы второй гильдии В.М. Латкин, В.П. Оплеснин, А.М. Забобов, И.М. Латкин и мещанин М.И. Попов. Вместе с избранными от городской курии купцом Н.А. Поповым и дворянином В.А. Поповым они составляли половину всех гласных. В 1886–1888 годах в числе гласных были проживавшие в Усть-Сысольске коллежский советник Ф.А. Арсеньев (он был назначен председателем земского собрания), коллежский секретарь М.И. Попов, дворянин В.А. Попов, купец А.М. Забобов, торгующий по купеческому свидетельству крестьянин (впоследствии купец второй гильдии) В.П. Оплеснин и мещанин Д.М. Оплеснин. В земское собрание на 1889–1891 годы, кроме уже упоминавшихся Ф.А. Арсеньева (вскоре после выборов он скончался), А.М. Забобова и В.А. Попова, были избраны врач М.И. Тур, купец К.В. Казаков, коллежский ассessor И.М. Попов и титулярный советник П.Н. Образцов.

Уездное земское собрание из числа гласных избирало на трехлетний срок распорядительный орган – уездную земскую управу в составе председателя (утверждался губернатором) и трех членов. Управа была постоянно действующим учреждением, и работа ее членов оплачивалась, но не из государственного, а из земского бюджета. Как правило, возглавлял Земскую управу представитель городского купечества. Первым ее председателем (1869–1876), например, был уже известный нам Михаил Николаевич Латкин (в то время – купец второй гильдии). В 1877–1885 годах председательствовал его сын купец Василий Михайлович Латкин, в 1886–1888 гг. – купец Александр Михайлович Забобов. И только в VII трехлетие (1889–1891) управу возглавлял торгующий по свидетельству купца второй гильдии крестьянин Вотчинской волости Илья Семенович Попов [29].

Круг обязанностей земских учреждений был достаточно широк: они занимались «попечением о развитии местной торговли и промышленности», развитием народного образования и здравоохранения (для чего открывали земские школы и больницы), почты, строительством дорог, обеспечением «народного продовольствия» и многим другим. Они имели свой бюджет, доходная часть которого в основном состояла из специальных местных сборов. Но их деятельность строго контролировалась государственными органами (например, губернатор имел право остановить исполнение «всякого постановления земских учреждений, противного законам или общим государственным пользам»).

С образованием Усть-Сысольского уездного земства город вынужден был принимать участие в финансировании его деятельности. Обложению специальным земским сбором подлежали городские земли, торговые и промышленные заведения, а также недвижимость городских обывателей. Эти расходы, естественно, ложились на пле-

чи горожан – владельцев недвижимости и арендаторов земельных угодий. У горожан этот дополнительный сбор, который, кстати говоря, осуществлялся городской администрацией, радости не вызывал, они и сборы в городской бюджет вносили с трудом.

В общей сложности сумма земских сборов составляла более 2 тыс. руб. Однако в структуре земских доходов городские сборы составляли не более 5% – основной доход давал сбор с казенных земель (в основном лесных дач) и крестьянских наделов. А собранные с горожан деньги в город же и возвращались, причем еще и с прибавкой (земский бюджет был намного больше городского), в основном они шли на поддержку учебных заведений и здравоохранение (у нас еще будет повод не раз об этом вспомнить). Надо заметить, что в структуре земских расходов, в отличие от городских, удельный вес «необязательных расходов» в 80–90-е годы XIX века равнялся 60–70% [30].

Было реорганизовано и городское общественное управление. Его устройство, права и обязанности были изложены в «Городовом положении», утвержденном Александром II 16 июня 1870 года [31]. Городское общественное самоуправление строилось на тех же основаниях, что и уездное, и, по существу, являлось его частным случаем, отражающим специфику городских поселений. Главные его отличия от прежнего заключались в том, что теперь органы городского самоуправления, в основном сохраняя прежние наименования, были достаточно четко «разведены» по своим функциям на распорядительные и исполнительные, стали всесловными и получили больше прав и реальных возможностей для эффективного управления городом.

К учреждениям городского общественного управления относились городское избирательное собрание, городская дума и городская управа. Городское избирательное собрание составлялось «единственно для избрания гласных Городской Думы, чрез каждые четыре года». Закон определял минимальную численность гласных в 30 человек (для городов, в которых число избирателей не превышало трехсот). На каждые 150 избирателей сверх минимального числа можно было выбирать еще 6 гласных, но только до тех пор, пока их не будет 72 человека. Гласные составляли городскую думу – распорядительный орган самоуправления, представлявший «все городское общество».

Право участия в избирательном собрании и, соответственно, избирать и быть избранным имел каждый горожанин-мужчина не моложе 25 лет, если он «владеет в городских пределах на праве собственности, недвижимым имуществом, подлежащим сбору в пользу города, или содержит торговое или промышленное заведение по свидетельству купеческому, или же, прожив в городе в течение двух лет сряду пред производством выборов, хотя бы и с временными отлучками, уплачивает в пользу города установленный сбор со свидетельств: купеческого, или промыслового на

мелочный торг, или приказничьего I разряда, или с билетов на содержание промышленных заведений... и если на нем не числится недоимок по городским сборам». Можно было голосовать и по доверенности (к примеру, за женщин, владеющих собственностью, или несовершеннолетних собственников), и таким образом некоторые избиратели могли иметь по два голоса. В выборах также участвовали представители учреждений, обществ, компаний, церквей и монастырей – владельцы городской собственности либо имеющих документы на право торговли и промыслов, с которых уплачивались сборы в пользу города.

Далее городским властям, на которых возлагалось проведение выборов, приходилось проделывать сложную процедуру: всех избирателей записывали по порядку в соответствии с размером уплачиваемых ими городских сборов (начиная с наибольшей суммы) и делили на три группы (избирательных собрания) с тем, чтобы на каждую приходилась треть всей суммы сборов в пользу города (если число избирателей первого разряда было меньшим, чем число гласных, которых они должны были избрать, можно было ограничиться двумя собраниями, но на это требовалось разрешение министра внутренних дел). Эти избирательные собрания закрытым голосованием выбирали треть гласных городской думы, причем можно было избирать и лиц, принадлежащих к другим разрядам. Так обеспечивалось преимущественное представительство в органах самоуправления наиболее зажиточной части горожан.

Собрание считалось действительным при выполнении одного несложного условия: число избирателей, на нем присутствующих, должно было хотя бы на одного человека превышать число «подлежащих избранию гласных». Если же такое не было выполнено, назначалось новое собрание, на котором выборы производились вне зависимости от того, сколько человек на него явилось. Избранными считались набравшие наибольшее число голосов и «при том более половины голосов всех наличных избирателей». Если удовлетворяющих этим условиям было меньше нужного числа гласных, проводились дополнительные выборы из оставшихся кандидатов, но теперь для избрания нужно было просто набрать большее, чем претенденты, количество голосов.

Гласные городской думы избирали на четырехлетний срок городскую управу, городского голову, а также на различный срок городского секретаря, отвечавшего за работу канцелярий думы и управы. Эти выборные должности могли занимать не только гласные, но и другие избиратели за некоторыми ограничениями, специально оговоренными в законе*. По закону, из всех выбор-

* Общественные должности не могли занимать духовные лица, судьи, служащие прокуратуры и казначейства, а также близкие родственники. К явно дискриминационным относилось запрещение занимать должность городского головы евреям и ограничение доступа в управу нехристианам (они не могли составлять более трети членов этого выборного органа) (ст. 87–89 «Городового положения»)

ных лиц городского самоуправления только городской голова утверждался губернатором. Городская управа являлась исполнительным органом городского самоуправления. Число членов управы устанавливалось думой, но не могло быть меньше двух (сверх председателя). Причем каждые два года половина членов управы должна была переизбираться. В работе исполнительного органа городского самоуправления, но без права голоса, принимало участие не менее половины членов городской думы, составлявших полное присутствие городской управы.

Городской голова, как и ранее, был первым лицом городского самоуправления, но теперь он обладал обширными полномочиями. Городской голова был председателем и избирательных собраний, и городской думы, и городской управы. Только «через посредство Городского Головы» осуществлялось «сношение городского общественного управления с губернским начальством». Он утверждал избирательные списки и результаты выборов, рассматривал жалобы избирателей, назначал, определял круг рассматриваемых вопросов и проводил заседания городской думы (причем имел право решающего голоса), руководил всей практической деятельностью городской управы и даже мог «в случаях чрезвычайных и не терпящих отлагательства» самолично принимать решения вместо нее.

И городской голова, и члены городской управы, и городской секретарь не имели «прав государственной службы», однако они не были общественниками. Им полагалось денежное вознаграждение, но не из государственных, а из городских средств. Размер жалования определялся городской думой. В Усть-Сысольске городской голова получал 400, члены управы – 200, а городской секретарь – 360 рублей в год, что в то время являлось немалой суммой. Чтобы подчеркнуть значимость их деятельности, им дозволялось (за исключением городского секретаря) «при отправлении своих обязанностей и в торжественных случаях» носить особые знаки, а городскому голове был положен еще и мундир «по особому, Высочайше утвержденному образцу».

Нельзя не упомянуть о том, что горожане, помимо органов уездного и городского самоуправления, выбирали своих представителей в различные учреждения – уездное по воинской повинности присутствие, уездный училищный совет, городской общественный банк, словесный суд, различные комитеты и др. Так что отдыхать от «избирательных кампаний» обеспеченным усть-сысольцам было некогда – в городе постоянно кого-то выбирали и переизбирали. По-прежнему ежегодно избирался городской (мещанский) староста. Теперь он был подчинен городской управе, по существу являясь исполнителем ее решений. В круг обязанностей мещанского старосты входили наблюдение за собраниями мещанского общества, прием и увольнение из ононого, выдача и прием паспортов, сбор денежных налогов и контроль за выполнением натуральных повинностей, рассмотрение жалоб и протестов, наложе-

ние наказаний за различные провинности, составление списков военнообязанных, организация собраний мещанского общества и многое другое. Для исполнения столь обширного круга обязанностей в помощь городскому старосте избирались десятники и старосты по денежным сборам («окладчики для раскладки и уравнивания между мещанами государственных повинностей и других сборов») – в Усть-Сысольске в 70-е годы XIX века их было соответственно 8 и 23 человека, а также назначали казначея, писаря и рассыльного (эти должности оплачивались из городской казны) [32].

Новое «Городовое положение» вводилось не сразу во всех городах Российской империи. Инициатива введения его в Усть-Сысольске принадлежала городскому голове Н.А. Попову. Выступая на собрании городского общества 23 октября 1871 года, он предложил ходатайствовать перед губернским начальством о незамедлительном распространении на Усть-Сысольск нового закона о городском самоуправлении. Его аргументы были очень просты: удаленность Усть-Сысольска от Вологды порождает «крайнее затруднение как для высшего начальства, так и для самой думы» при получении последних разрешений «по разным предметам, относящихся до хозяйственного распоряжения», а новая дума сможет самостоятельно разрешать «все незакрывающие особенной важности хозяйственные распоряжения», что, несомненно, пойдет на пользу городу. По получении разрешения из Министерства внутренних дел Вологодский губернатор 6 марта 1872 года отдал распоряжение ввести в Усть-Сысольске «Городовое положение» «ныне же и без всякого промедления» [33].

Пока составлялись и утверждались списки избирателей, прошел почти год. Только 3 марта 1873 года «Вологодские губернские ведомости» опубликовали утвержденный губернским правлением список 499 городских обывателей, имеющих право голоса (первоначальный список включал 547 фамилий, но 58 человек по разным причинам были отсеяны). Таким образом, по новому положению в выборах органов городского самоуправления могло принимать участие около 30% взрослого населения – значительно больше, чем в дореформенное время.

В первый разряд вошли всего 11 человек, уплачивающих в городскую казну сборы с недвижимости или свидетельств на право торговли от 68 руб. 50 коп. до 17 руб. 25 коп., во второй – 27 человек, плативших от 17 руб. до 2 руб. 65 коп., в третий – 461 человек, уплачивавших от 2 руб. 50 коп. до 12 коп. (городская дума ходатайствовала перед губернским по городским делам присутствием об объединении избирателей первого и второго разрядов, но ей было отказано). В соответствии с численностью избирателей, им предстояло избрать 36 гласных, по 12 от каждого разряда, которые и должны были составить новый орган городского самоуправления [34].

Выборы были назначены на июнь 1873 года. При их проведении городская дума столкнулась

с большими трудностями, поскольку большинство устьсысольцев совершенно равнодушно отнеслось к предоставленной им возможности реального участия в городском самоуправлении, вероятно, по малограмотности не понимая, для чего нужны выборы и чего от них хотят власти. Из-за неявки избирателей выборы по первому и второму разрядам пришлось переносить, и в результате они состоялись только в ноябре-декабре. Причем по первому разряду нужное число избирателей так и не было собрано (голосовало всего 4 человека, но закон такую ситуацию на повторных выборах допускал), а по второму его едва удалось собрать (в выборах приняло участие ровно 12 человек), так что часть гласных избирали при отсутствии кандидатов (по первому разряду к тому же часть гласных неизбежно пришлось избирать из представителей других разрядов). На выборы по третьему разряду явилось 159 человек, т.е. всего лишь 34,5% имевших право голоса [35].

Для сравнения приведем материалы по вторым выборам, которые состоялись в 1879 году. К первому разряду были отнесены 14 человек, в том числе, кроме купцов второй гильдии и их наследников, два мещанина и два крестьянина (они платили в городскую казну с недвижимости и торговых документов от 7 до 25 руб. 75 коп.). Вторым разряд составили 83 человека (в их числе – более десяти купцов второй и третьей гильдий, а из «учреждений» – Ульяновский Троице-Стефановский монастырь, имевший в Усть-Сысольске подворье), уплачивавшие городские сборы в размере от 6 руб. 75 коп. до 1 рубля, и третий – 525 человек (они уплачивали в городскую казну менее 1 рубля). В итоге во вторых выборах могли участвовать 622 человека, значительно больше, чем в первых. Соответственно и избиралось больше гласных – 42 (по 14 от каждого разряда). По первому разряду в число кандидатов вошли практически все имевшие право голоса. По второму разряду баллотировались 20, а по третьему – 33 человека.

Самыми недисциплинированными оказались наиболее именитые горожане. Выборы по первому разряду опять были сорваны – на первое собрание явились всего 3 человека. Пришлось собрание перенести, но и на второе пришло только 9 избирателей, однако теперь этого было достаточно. Выборы во втором и третьем разряде были проведены с первого раза, но явка избирателей была небольшой – соответственно 26 и 64 человека (31% и 12% от имевших право голоса). Однако было бы неверным считать, что только устьсысольцы проявили равнодушие к участию в выборах. Подобная ситуация была в подавляющем большинстве российских городов – редко где в выборах участвовало больше 20% избирателей (обычно являлись 10–15%) [36].

Разделение избирателей на три разряда позволило «отсечь» от избрания в думу наименее зажиточные слои горожан. Однако не получилось и преимущественного представительства купечества и дворянства по причине малочисленности этих сословий. Например, в первую думу по пер-

вому разряду были избраны 3 представителя купечества, 8 мещан и 1 торгующий крестьянин, по второму – 1 дворянин, 2 священника, 2 купца и 6 мещан, по третьему – 12 мещан. Вторая дума по сословному составу была даже более «демократичной»: среди избранных по первому разряду были 2 купца и 12 мещан, по второму – 1 дворянин, 1 чиновник и 12 мещан, по третьему – все 14 гласных были мещанами. Таким образом, в первой думе мещане составили 72%, а во второй – 85,7% гласных. Мещане значительно преобладали и в городских думах последующих созывов [37].

Преобладание среди гласных мещан наложило отпечаток на выбор первых лиц городского самоуправления. На первых выборах городским головой традиционно был избран представитель «именитого купечества» – инициатор введения в Усть-Сысольске нового «Городового положения» купец второй гильдии Николай Александрович Попов, занимавший эту должность и ранее. Он возглавлял городское самоуправление больше положенного срока, до выборов нового городского головы в марте 1880 года (позднее, не смотря на преклонный возраст, избирался в гласные уездного земского собрания). Следующим же городским головой впервые стал мещанин – Ефим Александрович Суханов, занимавший этот пост полтора срока (1880-1885). Его сменил купец третьей гильдии (впоследствии – второгильдейский) Петр Васильевич Жеребцов (1886-1889). Следующие выборы городского головы могли состояться не ранее начала 1891 года, поскольку выборы новой думы были назначены на конец 1890 года. До этого замещающим должность городского головы был член управы мещанин Петр Васильевич Лыткин.

Выборы городского головы состоялись 15 марта 1891 года, и на них вновь победил мещанин – Павел Васильевич Жеребцов. Однако ему так и не было суждено вступить в должность. В Усть-Сысольске развернулись настоящие «политические бои местного масштаба», переросшие в открытое неповиновение «народных избранников» государственной власти. Началось все с того, что гласные думы второгильдейские купцы А.М.Забоев и Н.М.Суворов подали в губернское по земским и городским делам присутствие жалобу на неправильное «производство выборов», поскольку, по их мнению, П.В.Жеребцов и Е.М.Тентюков, избранный в члены управы, а также один из кандидатов на эту должность, вообще не могли быть избранными в гласные «как не имеющие избирательных цензов». Можно предположить, что жалобщики были раздосадованы проигрышем кандидата своей «группировки» – А.М.Забоева. А Павел Жеребцов был братом предыдущего Городского головы Петра Жеребцова. Расчет был на то, что все указанные лица были включены в списки по третьему разряду.

На запрос, поступивший из присутствия, дума ответила, что П.В.Жеребцов и другие включены в списки правильно. Тем не менее губернатор 30 ноября 1891 года сообщил думе, что «в виду имеющих сведения, он затрудняется утвердить в должности Городского Головы ... Павла Василье-

ва Жеребцова» и предложил провести новые выборы. Губернатора, видимо, смутило не то, что Павел Жеребцов – мещанин, а то, что он был малоимущим. Тут уж заупрямилась дума, поскольку, по ее мнению, требование губернатора было явно незаконным. Она направила протест в Сенат и отказалась проводить новые выборы. Так и остался Усть-Сысольск без городского головы. До новых выборов в 1894 года эту должность занимал член управы состоятельный мещанин Василий Иванович Фролов (он владел двухэтажным домом и кожевенным заводом)* [38].

По закону городская дума могла собираться по усмотрению городского головы (что чаще всего и делалось), требованию губернатора или желанию не менее пятой части гласных, но периодичность собраний не устанавливалась (оговорено только было, что два собрания в год обязательно должны были быть посвящены обсуждению городского бюджета и отчету городской управы). Для того чтобы собрание считалось состоявшимся, требовалось присутствие не менее трети, а в некоторых особо важных случаях (к примеру, если решались вопросы приобретения или продажи городской недвижимости или досрочном отстранении выборных лиц от должности и предании их суду) – половины гласных.

Первое заседание новой Усть-Сысольской городской думы состоялось 11 апреля 1874 года. Обычно, если не было каких-либо чрезвычайных обстоятельств, дума собиралась не чаще одного раза в месяц. Вот как, для примера, работала городская дума в последние годы перед очередной реформой. В 1890 и 1893 годах дума собиралась по 10, в 1894 году – 14 раз (с апреля 1894 года действовала дума, избранная уже по новому положению). За год рассматривались более ста вопросов – в указанные годы соответственно 111, 152 и 118 (примерно по 10-15 на одном заседании, но бывало и по 20). Управа же работала постоянно. Именно через нее проходили многочисленные прошения, справки, циркуляры, жалобы и другие бумаги, прежде чем попасть в думу. К примеру, в 1889 году в управу «поступило разных бумаг 1093 номеров», ею же было отправлено 1029 документов.

Обычное время «занятий» думы – с 11 до 13–15 часов дня. Столь плотный график работы объясняется довольно просто – большинство вопросов готовилось городской управой, а дума лишь принимала решения. Дума выслушивала и «принимала к сведению» циркуляры губернского начальства, что также не занимало много времени. Обычно на каждом заседании еще приходилось разбирать несколько прошений и жалоб горожан, касающихся имущественных отношений, связан-

ных с городской собственностью или с налогами. Все решения, а также доклады и различные «баллотировочные списки» заносились в «Журнал заседаний» и скреплялись подписями присутствующих гласных. За неграмотных гласных (а таких набиралось не меньше 10) «руку прилагал» секретарь.

Надо заметить, что далеко не все «народные избранники» ответственно относились к своей общественной деятельности – были и такие, которые пропустили более половины заседаний. В полном составе дума собиралась разве что на первое торжественное заседание, когда гласные приводились к присяге и избирались городской голова и члены управы. На обычные же заседания редко удавалось собрать 20 гласных. В 1893 году, например, максимальное число гласных, присутствовавших на заседании, было 21, минимальное – 10, то есть в отдельных случаях с трудом удавалось набрать необходимый для принятия решений минимум «заседателей» [39].

Круг вопросов, входивших в компетенцию городской думы, в принципе изменился незначительно, однако новый закон определил их более четко и подробно. Дума устанавливала размеры городских сборов и налогов, давала разрешение на сложение с них недоимок, определяла «предметы городских расходов» и утверждала сметы на таковые, а также отчеты о «сборе и употреблении городских сумм, о заведовании городскими имуществами и вообще о действиях исполнительной власти городского общественного управления», разрабатывала и принимала обязательные правила по городскому благоустройству, содержанию имущества города, благотворительных и других «общепользных заведений», противопожарной безопасности и многое другое.

Важнейшей особенностью новой думы было то, что в своей деятельности она была достаточно независима. Разумеется, ее решения обязательно представлялись губернатору и рассматривались губернским по городским делам присутствием, но только в особо оговоренных случаях (в основном связанных с финансовой деятельностью и изданием правил городского благоустройства и противопожарной безопасности) подлежали утверждению первым лицом губернии. Он также рассматривал и выносил решения в случае конфликта между органами самоуправления. Отменить постановления думы губернатор мог только в том случае, если они противоречили действующему законодательству.

Открытие городской управы состоялось 24 апреля 1875 года, через год после начала работы думы. Столь значительная задержка была вызвана тем, что никак не удавалось выбрать секретаря и утрясти вопрос с составом канцелярии. В Усть-Сысольскую городскую управу традиционно избирали двух членов из числа гласных думы. Управа собиралась значительно чаще, чем дума – не реже одного раза в неделю, но это были собрания для принятия решений. Фактически управа работала ежедневно, поскольку вся текущая работа велась секретарем и канцеляри-

* Случай с городским головой П.В. Жеребцовым не уникален – губернаторы нередко пытались отменить результаты выборов первых лиц городского самоуправления. Но городские думы упорно отстаивали свою независимость: жаловались в Сенат, демонстративно переизбирали отвергнутого губернатором кандидата, отказывались проводить новые выборы (см.: Нардова В.А. Городское самоуправление в России в 60-х – начале 90-х годов XIX в. Л., 1984. С. 117–134).

ей из двух-трех писцов [40]. На городскую управу возлагалась вся практическая работа по управлению городом, а именно:

«непосредственное заведование делами городского хозяйства и общественного управления...согласно правилам и указаниям, преподаваемым Городскою Думою. Управа ведет текущие дела по городскому хозяйству, изыскивает меры к его улучшению, исполняет определения Думы, собирает нужные ей сведения, составляет проекты городских смет (росписей), взимает и расходует городские сборы на установленных Думою основаниях, и представляет, в назначенные Думою сроки, отчеты о своей деятельности и состоянию подведомственных ей частей» [41].

Разделение органов городского самоуправления на распорядительные и исполнительные, безусловно, позволило сделать их работу более эффективной. Но не менее важно и то, что дума получила больше финансовой самостоятельности. Составленная управой смета доходов и расходов рассматривалась и утверждалась думой, а затем уже поступала на утверждение губернатору. Последний лишь «наблюдал», чтобы при составлении бюджета не были нарушены установленные правила, и, если таковых не находилось, обязан был смету доходов и расходов утвердить и представить к опубликованию в «Вологодских губернских ведомостях».

Думе предоставлялось право самой устанавливать размеры оценочного сбора с недвижимых имуществ (закон только устанавливал его верхний предел – 10% чистого дохода с недвижимости или 1% его стоимости), сборов с документов на право торговли и промыслов, трактирных заведений, постоянных дворов и «съестных лавочек». Ряд мелких сборов поступал в городскую казну на основании общегосударственных установлений. Дума могла устанавливать и дополнительные сборы – с извозного промысла, «с собак» и другие, но на них требовалось разрешение губернского начальства.

Нетрудно убедиться в том, что основные доходные статьи не изменились. В их числе – сборы за право пользования городской пашней и сенокосом, оценочные сборы с недвижимости (в основном с принадлежащих горожанам домов) и сборы с торговых свидетельств. К примеру, в 1885 году эти сборы составили соответственно 36,8%, 14,5% и 15%, в 1890 – 40,5%, 11,8% и 11,8% всех городских доходов. В сумме эти доходы стабильно составляли более 60% доходной части городского бюджета.

Однако, несмотря на их абсолютный рост (расширились городские угодья, возросло число домов, понемногу развивалась торговля, что вело к увеличению поступлений в городскую казну), удельный вес этих статей доходов, по сравнению с дореформенным временем, существенно снизился – появились новые источники пополнения городского бюджета, возросла роль ранее незна-

чительных доходных статей (к примеру, за пользование городскими лавками и ярмарочными помещениями, которых раньше почти не было, от продажи «пустопорожних мест»), увеличились косвенные налоги. В силу указанных обстоятельств городские доходы имели стабильную тенденцию к росту: от 3779 руб. 98 коп. в 1870 до 4252 руб. 61 коп. в 1875, 6738 руб. 40 коп. в 1885 и 9343 руб. 22 коп. в 1890 году [42].

Однако городские власти по-прежнему испытывали большие трудности со сбором всех причитающихся платежей, так как «многие из мещан отказывались платить под разными предлогами» арендную плату за землю и оценочные сборы с недвижимости. По подсчетам городского головы П.В.Жеребцова, сумма недоимок за период с 1873 по 1884 год составила 4397 руб. 47 коп., т.е. обыватели недодали в городскую казну один среднегодовой доход. Кстати говоря, «отцы города» тоже не отличались аккуратностью в уплате налогов. Тот же П.В.Жеребцов в 1882 году, еще будучи гласным городской думы, заметил, что, уплати некоторые его коллеги, обязанные «быть примером исправности в отношении сего предмета против других обывателей», недоимки, и проблемы с финансированием городской полиции не было бы (а потребная сумма составляла ни много ни мало 571 руб. 75 коп.) [43].

В связи с регулярными недоимками по основным доходным статьям управа испытывала большие трудности с исполнением расходной части бюджета, особенно касающейся финансирования потребностей «по городскому хозяйству, на которые ... следовало бы обратить особенное внимание». Приходилось прибегать к помощи полиции (что было предусмотрено законом). Иногда это помогало, но чаще не давало ощутимого результата. Ежегодно в доходную часть бюджета закладывалось получение от 200 до 1400 руб. недоимок, оставшихся от предыдущего года.

Если в формировании доходной части бюджета дума была достаточно самостоятельна, то о расходной этого сказать нельзя. Перечень обязательных расходов насчитывал 12 пунктов: содержание городского общественного управления и общественных зданий, полиции, «принадлежащих к составу городских полиций пожарных команд» и «общественных пожарных команд», «лежащих на отчете города» улиц, площадей, мостов и городского освещения, пособия «разным учреждениям, установлениям и ведомствам» на содержание «учебных, благотворительных и иных общепользных заведений», «издержки по отправлению воинского постоя» и тюрьмы, выплаты по городским займам и обязательствам и многое другое. И только «за удовлетворением указанных... потребностей, городские средства могут быть употребляемы, по усмотрению Городской Думы, на всякие вообще предметы, относящиеся к пользам города и его обывателей и законам непротивные» [44]. Нетрудно заметить, что государство по-прежнему возлагало на город часть расходов общегосударственного характера.

Обязательные расходы составляли почти 90% расходуемых городом сумм. Но, справедливости ради, отметим, что значительную часть этих расходов городским властям пришлось бы планировать и без принуждения. Исключение составляли выплаты «на содержание полиции» (имеется в виду содержание российской полиции в целом) и «на содержание центрального управления Министерства Внутренних Дел». В 1880 году по первой статье было выплачено 571 руб. 70 коп., по второй – 10 руб., в 1890 году – соответственно 534 и 16 руб. Этой суммой, составлявшей менее 10% городских расходов, ограничивались принудительные выплаты на содержание центрального аппарата управления.

Расходная часть бюджета, в соответствии с доходной, существенно увеличилась – с 4253 руб. 61 коп. в 1875 до 6738 руб. 40 коп. в 1885 и 9343 руб. 22 коп. в 1890 году. Но, как и прежде, львиная доля расходов приходилась на содержание «мест и лиц городского управления», включая городскую полицию и пожарную часть. А на удовлетворение собственно городских нужд средств оставалось в обрез. На заседаниях городской думы неоднократно отмечалось, что, несмотря на увеличение сумм, остающихся на благоустройство города и поддержку учебных и благотворительных заведений, их недостаточно для успешного решения важнейших вопросов городского развития.

И все же в структуре расходов произошли явно благоприятные изменения. Например, расходы на содержание городской думы и управы, резко возросшие в середине 70-х годов XIX века в связи с введением жалования городскому голове и членам управы, в 80-е годы почти не увеличивались. В связи с этим удельный вес расходов на «содержание мест и лиц городского управления» сократился с 67,3% в 1880 до 53,6% в 1890 году. При небольшом возрастании суммы, затраченной на содержание городских имуществ, несколько уменьшилась ее доля в расходной части бюджета – с 5,6% до 3,8%. Снизились издержки по воинской части. Зато расходы на наружное благоустройство города возросли с 348 до 875 руб., а их удельный вес в структуре расходов – с 5,7% до 9,4%. Почти вдвое увеличились расходы на содержание учебных заведений – с 634 руб. 60 коп. до 1162 руб., а их доля в расходной части бюджета возросла с 10,4% до 12,4% [45].

Одним словом, несмотря на ряд ограничений и небольшие финансовые возможности, в 70-80-е годы XIX века реорганизованные органы городского самоуправления получили возможность работать значительно эффективнее, чем их предшественники первой половины столетия, и, как мы увидим, сделали не так уж и мало для развития города. Однако всего лишь через два десятилетия после начала Великих реформ настало время новых изменений.

3.4. Новая, и последняя, городская дума

Последняя в XIX веке реорганизация системы местного самоуправления была предпринята в 80-90-е годы. Это так называемые «контрреформы Александра III», имевшие целью значительное сокращение самостоятельности органов местной власти. В 1890 году был принято новое «Положение о губернских и уездных земских учреждениях», значительно сократившее возможность участия в земском самоуправлении низших слоев населения. В первую курию теперь входили только потомственные и личные дворяне, а по второй, городской, курии имущественный ценз был повышен в 2,5 раза, что еще более снизило число городских выборщиков (причем по обеим куриям в выборах напрямую могли участвовать только крупные землевладельцы и собственники, а мелкие – через выбранных уполномоченных). Крестьяне же на волостных сходах избирали лишь кандидатов в гласные, из которых губернатор отбирал и назначал необходимое число членов уездного земского собрания [46].

Число гласных для Усть-Сысольского уездного земского собрания было определено в 15 человек. Из-за малочисленности дворян выборы по первой и второй куриям были объединены (кстати говоря, около 90% уездных дворян жили в Усть-Сысольске). В состав первого земского собрания, избранного по новому Положению 1891 года, от дворян и горожан вошли 4 человека (остальные 11 были назначенными крестьянами), из них только управляющий Кажимскими заводами купец В.С.Косолапов жил не в Усть-Сысольске. Кроме того, в состав земского собрания с правом решающего голоса входили, как и раньше, назначенные чиновники Министерства государственных имуществ, а также депутат от духовного ведомства и городской голова [47].

Состав исполнительного органа – земской управы – не изменился, но теперь ее председатель и члены были государственными чиновниками, а председатель вообще мог быть «из лиц, имеющих по закону право вступления в государственную службу». Механизм выборов был таков, что губернатор имел возможность просто назначать председателя земской управы из числа чиновников (и в Усть-Сысольскую уездную земскую управу председатели часто назначались Вологодским губернатором). Таким образом, состав новых земских собраний и управ в значительной мере не избирался, а назначался. Иными словами, государство присвоило себе право формировать органы уездного самоуправления в соответствии со своими представлениями о благонадежности граждан.

Был усилен контроль за деятельностью земских учреждений через специально созданное губернское по земским делам присутствие (с 1892 года – губернское по земским и городским делам присутствие). Кроме того, губернатор имел право отменить практически любое решение земского собрания. Все это делало земства в значительной степени зависимыми от государственных органов.



Гласные Усть-Сысольского уездного собрания и члены земской управы состава 1910–1912 гг. Слева направо: члены управы С.П.Канев, А.С.Потапов, гласные Е.В.Горинов, И.Д.Попов, М.С.Карманов, лесной ревизор Н.И.Митюшев, гласный Н.П.Чеусов, инспектор народных училищ 1-го участка М.П.Успасский, председатель собрания А.Я.Колясников, председатель управы В.П.Оплеснин, инспектор народных училищ 2-го участка М.Н.Рейтенборн, протоиерей А.С.Малевинский, городской голова М.С.Жеребцов, гласный Я.С.Казанков, члены управы Н.О.Мелехин, И.Е.Игнатов, секретарь управы В.А.Тентюков

За земской контрреформой вскоре последовала и городская. 11 июля 1892 года император утвердил новое «Городовое положение» [48]. И здесь наиболее существенные изменения были внесены в избирательную систему. Главное – теперь для участия в выборах в малых уездных городах типа Усть-Сысольска требовалось владеть недвижимостью, оцененной не менее чем в 300 рублей*, либо содержать «в пределах городского поселения торгово-промышленное предприятие, требующее выборки свидетельства» по первой или второй гильдии, а не только платить с них городские сборы.

Сама процедура выборов была упрощена: теперь собиралось только одно избирательное собрание, на котором и выбирались гласные городской думы. Их стало меньше – минимальное число гласных было определено в 20 (при числе избирателей не более ста), максимальное (для городов типа Усть-Сысольска) – в 40 человек (на каждые пятьдесят избирателей свыше ста можно было избирать трех дополнительных гласных).

* Для сравнения с прошлыми выборами – теперь в них могли участвовать те, кто уплачивал городской сбор с недвижимости в размере 3 рублей и более.

Кроме того, в городскую думу входили председатель уездной земской управы и депутат от духовного ведомства, «если епархиальное начальство признает полезным его назначить».

Порядок выбора членов городской управы и городского головы не изменился. Теперь городской голова, члены управы и городской секретарь, как и выборные члены земской управы, считались «состоящими на государственной службе», что было вполне логичным шагом на пути «огосударствления» органов самоуправления. Усиление государственного контроля выразилось в том, что все лица, выбранные на указанные должности, как государственные служащие, подлежали обязательному утверждению начальником губернии. Казалось бы, теперь и жалованье новоиспеченным «государевым людям» должно платить государство. Однако как раз в данном случае все было оставлено по-старому – размер жалования устанавливала городская дума, и платилось оно из городской казны.

Новые городские органы самоуправления, как и земские, решали тот же круг вопросов, что и их предшественники. Но и над их деятельностью был усилен государственный контроль, осуществляемый через губернское по земским и городским де-

лам присутствие. Значительно расширился перечень решений, подлежащих обязательно утверждению губернатором, а ряд из них мог вступить в силу только после утверждения Министерством внутренних дел. Без утверждения губернской или центральной власти городская дума фактически не могла принять ни одного решения по финансовым вопросам. Губернатор вообще мог останавливать исполнение любого постановления думы, если усматривал, что оно «1) несогласно с законом или состоялось с нарушением круга ведомства, пределов власти и порядка действий общественного управления, или 2) не соответствует общим государственным пользам и нуждам, либо явно нарушает интересы местного населения». Очевидно, что при желании под второй пункт можно было подогнать все, что угодно.

Повышение имущественного ценза резко сократило число избирателей. В Усть-Сысольске в первых выборах по новому Положению, проведенных в конце 1893 – начале 1894 годов, могли участвовать только 125 человек. Они уплачивали от 84 до 3 рублей сборов с недвижимости и торговых свидетельств (первые списки были составлены еще по старым образцам). Если учесть, что в то время подавляющее большинство городских домов оценивались в 15-100 рублей и их владельцы соответственно уплачивали сбор с недвижимости от 15 коп. до 1 рубля, очевидно, что в число избирателей вошла наиболее зажиточная часть «городского общества». Среди них было 13 купцов и их наследников, 17 дворян и чиновников, 6 крестьян, остальные – мещане.

В дальнейшем число избирателей оставалось столь же небольшим, хотя, в связи с ростом численности населения, и несколько увеличилось. Во вторых выборах, назначенных на 18 февраля 1898 года, имело право участвовать 123 избирателя, владевших недвижимостью на сумму от 300 до 6150 руб. Право участия в третьих выборах (4 декабря 1901 года) имели 164, а в четвертых (17 ноября 1905 года) – 190 человек. В их число входили 16 купцов и их наследники, 22 чиновника и дворянина, вдова священника, 10 крестьян и 141 мещанин и их наследники. В выборах 1909 года имели право принимать участие 187 избирателей. Число избирателей только к 1914 году перевалило за 200 человек, но их удельный вес в городском населении остался неизменным – право на участие в выборах имели не более 5% взрослого населения Усть-Сысольска [49].

Однако сокращение числа избирателей, мера, безусловно, недемократическая, фактически не повлияло на сами выборы. Ведь от них в основном были «отсечены» граждане, которые и так не принимали участия в избирательных собраниях. В результате значительно возросла доля избирателей, принимавших участие в выборах, хотя число их, конечно, уменьшилось. Например, в первых и вторых выборах принимали участие по 55 человек (соответственно 44 и 44,7% от имевших право голоса), в третьих – 56 (34,1%), в четвертых – 73 (38,4%), в пятых – 81 (43,3%) избиратель (это данные по первым собраниям – на повторные являлось меньше избирателей).

Усиление государственного контроля за выборами, а также, вероятно, и повышение престижности общественных должностей в глазах заинтересованной части избирателей привели к тому, что выборы проходили очень непросто. Избирательные баталии разгорались нешуточные. Первые выборы пришлось проводить в два этапа (8 декабря 1893 года и 8 января 1894 года), поскольку на первом собрании удалось избрать только 10 гласных. Однако губернское по земским и городским делам присутствие отменило результаты выборов 8 декабря на том основании, что двое из избирателей незаконно имели второй голос по доверенности. Пришлось 12 марта 1894 года проводить третье собрание. Надо заметить, что надзорные государственные органы в наблюдении за законностью выборов действовали чрезвычайно жестко, не допуская никаких «эластичных» толкований законов в зависимости от социального статуса «обиженных» – при малейшем нарушении выборы отменялись.

Интересно, что в думу опять был избран неудавшийся городской голова Павел Жеребцов и вновь право участвовать в выборах было подвергнуто сомнению (он действительно уплачивал менее 3 руб. городских сборов). Секретарь думы разъяснил, что П.Жеребцов участвовал в выборах на законном основании, поскольку являлся опекуном детей покойного мещанина Ивана Комлина. Впрочем, это уже не имело значения, поскольку вскоре после выборов Павел Жеребцов скончался [50].

Выборы 1898 года и вовсе прошли со скандалом: «группа избирателей» из четырех человек* подала протест в Вологодское губернское по земским и городским делам присутствие, указав, что «при выборах была допущена явная стачка между некоторыми избирателями, вследствие чего в гласные избраны большею частью лица, совершенно неграмотные и малоспособные к общественной деятельности, лица же более заслуживающие доверия и полезные для дела забаллотированы», а один из избранных в гласные Михаил Елькин – моложе 25 лет. Обвинение в «стачке» (сговоре) дума проигнорировала, а в отношении Елькина оплошность признала, оправдываясь тем, что он сам о своем возрасте не заявил, «а по наружному виду... представляет из себя личность старше по летам, нежели на самом деле». Но губернское правление было неумолимо – закон нарушен, и, следовательно, выборы недействительны. Пришлось 12 августа 1898 года собирать новое избирательное собрание, на которое явились уже 62 избирателя. Среди выбранных 20 гласных в первом списке были только 14 (однако одного из жалобщиков – торгующего крестьянина П.П.Успаского, гласного предыдущей городской думы, – с треском «прокатили» как на первых, так и на вторых выборах) [51].

И выборы в третью думу прошли не с первого раза. После собрания 4 декабря 1901 года в гу-

* В постановлении Присутствия названы их фамилии: Успаский, Кирьяков, Кузьбожев и Попов. Однако в утвержденных избирательных списках никакого Кирьякова нет, зато есть купец Дмитрий Кирьяков Кузьбожев – один из жалобщиков. Скорее всего, его отчество ошибочно было принято за фамилию, и жалобщиков было трое.

бернское по земским и городским делам присутствие опять поступила жалоба, на сей раз от учителя Малышева, мещанина Михаила Жеребцова и уже известного нам крестьянина Павла Успасского. К ним с отдельной жалобой добавился дворян С.В.Попов. Жаловались они на городскую голову Ивана Комлина, который не допустил их к участию в собрании из-за опоздания (Попов в своем опоздании вообще «обвинил» часы на пожарной каланче, по которым якобы было открыто собрание и которые вечно спешили). Присутствие вновь признало аргументы весомыми и выборы отменило. Пришлось 8 марта 1902 года проводить новое собрание (присутствовали 59 человек). Кстати говоря, ни один из жалобщиков в гласные выбран не был [52].

Приятным исключением стали выборы думы на 1906–1909 годы – они состоялись с первого раза (17 ноября 1905 года). Но следующие выборы опять не обошлись без конфликта. Собрание 10 декабря 1909 года побило все рекорды по продолжительности – оно длилось 12 часов, поскольку никак не удавалось избрать нужное число гласных. Свой «вклад» в затягивание собрания внесли отдельные несознательные граждане, такие, как Яков Есев, который, «находясь в нетрезвом состоянии, допускал себе нарушать порядок производства выборов и не смотря на неоднократные предупреждения председателя не уклоняться от соблюдения порядка», не подчинялся, за что и был удален из зала. Вскоре за ним последовал Степан Титов, который также, «находясь в не трезвом состоянии», «стал останавливать продолжать баллотировку» не понравившегося ему кандидата в гласные. Последние гласные были выбраны уже поздно вечером, когда большая часть избирателей разошлась по домам.

Могли ли «сознательные» граждане обойти внимание такое безобразие? Тут же последовала жалоба в губернское по земским и городским делам присутствие на то, что после того, как «выборщики будучи не евши и не пивши более полусуток стали не в силах продолжать занятия на собрании и вынуждены были оставить собрание, где из числа 81 человека осталось до 30 лиц», эти оставшиеся, в их числе все бывшие первые лица городского самоуправления, «составляя партию начали действовать от имени целого общества, выбирая из своей среды гласных и к ним кандидатов». Так были выбраны 6 гласных, в том числе бывшие городской голова Суханов, член управы Титов и секретарь Старцев.

Справедливости ради надо отметить, что никакого «злодейского умысла» не было. А.Е.Суханов и члены управы первоначально свои кандидатуры и не выставляли, присутствовать же на собрании до конца были просто обязаны. Выбранными они оказались потому, что просто не осталось других желающих и выборы могли окончательно зайти в тупик. Тем не менее нарушение закона было несомненным, и присутствие постановлением от 20 января 1910 года выборы последних пяти гласных отменило. Пришлось проводить 23 марта 1910 года дополнительное собрание, на котором присутствовало всего 45 избирателей, за три часа выбравших 5 недостающих гласных. А.Е.Суханов и другие незаконно

выбранные от баллотировки отказались. Однако на этом злоключения «городского общества» не окончились – теперь уже Сенат отменил выборы. Пришлось проводить их еще раз [53].

Первоначально число гласных городской думы составляло 20 человек, но со временем, в связи с ростом численности избирателей, оно увеличилось до 29 человек. Усть-Сысольская городская дума как была по своему составу мещанской, так мещанской и осталась. А какой еще она могла быть при наличии среди избирателей безусловного большинства представителей мещанского сословия? В думу, избранную в 1893 году, входили 5 купцов, 1 дворянин, 2 чиновника, 1 крестьянин и 10 мещан. В последующем мещане всегда составляли более половины гласных. В думе «образца» 1898-1901 годов было три купца второй гильдии и 17 мещан. Дума созыва 1902–1905 годов была более разнообразной по составу: в нее входили 5 купцов, крестьянин (только по происхождению, а по роду занятий – земский служащий) В.Ф.Попов, статский советник П.Н. Виноградов (учитель) и 16 мещан. Зато дума созыва 1906-1909 годов, за исключением купца В.П.Комлина, была сплошь мещанской. В думе «образца» 1910-1913 годов было три купца и один крестьянин (все тот же В.Ф.Попов). В состав гласных последней думы вошли 5 купцов, 1 чиновник и 23 мещанина.

Сокращение числа имеющих право голоса и, соответственно, возможных претендентов на место гласных неизбежно должно было сузить круг «народных избранников». Действительно, в шести думах периода 1894-1918 годов 140 мест гласных занимали всего 80 человек, из них 51 (в том числе 11 – в последней Думе 1914–1918 годов) были гласными по одному разу (36% от общего числа мест), 15 – по два, 6 – по три, 8 – по четыре и более раз. К примеру, в думах 1902–1905 и 1906–1909 годов было всего по пять гласных, занимавших эту должность один раз. Надо иметь в виду, что около 20 человек избирались еще гласными городских дум предыдущего периода.

Просматривая списки выборных лиц городского самоуправления, нетрудно заметить неизбежную для маленького города особенность – небольшое число видных усть-сысольских семей постоянно делегировали своих представителей в городскую думу и на другие выборные должности. Постепенно складывались целые династии и кланы «потомственных думцев». В основном из их числа образовывались небольшие группы влиятельных, в силу происхождения, личного авторитета и материального достатка, горожан, регулярно избиравшихся в думу и оказывавших большое влияние на ее работу.

Таковыми «постоянными думцами»-рекордсменами были отставной писарь мещанин Григорий Емельянович Жижев и мещанин Венедикт Александрович Тентюков, с 1886 по 1913 год бессменно состоявший секретарем Усть-Сысольской земской управы, – они с 1891 года семь раз подряд избирались гласными. За бессменное исполнение должности гласного в течение 25 лет городская дума даже ходатайствовала о присвоении Г.Е.Жижеву, несмотря на его «простое» происхождение, звания Почетного Гражданина Усть-Сысольска. Шесть сроков подряд, с 1894 по 1918 год, был



*А.М.Забоев –
городской голова в
1894–1898 гг.*

гласным влиятельный купец Василий Платонович Комлин, а его брат Иван Платонович, тоже крупный торговец, избирался в думу четыре раза (в 1894 году, будучи избранным, он отказался стать гласным, предпочтя остаться на занимаемой им тогда должности директора Усть-Сысольского общественного банка), дважды был городским головой. Их отец тоже был гласным думы 1894–1897 годов (Платон Комлин был неграмотным, и за него приходилось расписываться сыну Василию).

Еще один, и тоже потомственный, «заслуженный думец» – зажиточный мещанин Алексей Ефимович Суханов, избиравшийся в гласные пять раз (впервые – в 1891 году), дважды состоявший в должности городского головы (его отец Ефим Александрович Суханов в свое время был и гласным, и городским головой). По четыре раза избирались в гласные купец Иван Михайлович и мещанин Василий Михайлович Вежевы, мещане Константин Петрович Титов (торговец и владелец кожевенного завода) и Василий Петрович Кудинов. Среди тех, кто три и более раз избирался в думу (с учетом выборов периода 1874–1894 годов), – Петр Васильевич Жеребцов (был еще гласным думы 1874 года) и Егор Михайлович Тентюков, бывшие городскими головами, Степан Иванович Попов, братья Григорий Севастьянович и Федор Севастьянович Вежевы, Николай Иванович Забоев, сын уважаемого устьсысольца, бывшего городского головы Ивана Назаровича Забоева, служивший бухгалтером земской управы, купцы Александр Федорович Сычев (его отец тоже был гласным) и Василий Петрович Оплеснин (первый раз был избран гласным еще в 1874 году), уже упоминавшийся земский деятель Василий Филиппович Попов. Все они неоднократно занимавшие и другие выборные должности [54].

Среди городских голов этого времени – все больше люди небедные, известные и как предприниматели, и как общественные деятели. Все они были людьми достаточно образованными – учились в Усть-Сысольском уездном училище, своеобразной «кузнице кадров городской администрации» (а вот о членах управы этого сказать нельзя – большинство из них имело «домашнее образование»). Первым городским головой, избранным по новому Положению на 1894–1898 годы, стал купец второй гильдии Александр Ми-

хайлович Забоев (тот самый, кто сорвал предыдущие выборы), крупный землевладелец, владевший кожевенным заводиком, чайным магазином, один из первых пароходовладельцев, занимавшийся к тому же и лесозаготовками. Он был известен и как земский деятель – с 1883 по 1891 год (три срока) был гласным Усть-Сысольского уездного земского собрания (причем в 1886–1888 годах занимал должность председателя земской управы), а в 1894–1898 годах заседал в нем как городской голова. А.М.Забоев занимал и другие выборные должности, в частности был строителем и попечителем Никольской церкви в селе Слобода, попечителем земской больницы.

А.М.Забоева на посту городского головы сменил не менее известный в Усть-Сысольске предприниматель Иван Платонович Комлин (1898–1903). Братья Иван и Василий Комлины занимались оптовой торговлей продовольствием, в том числе хлебом и рыбой, имели и свои лавки. Оба, как уже упоминалось, неоднократно избирались гласными городской думы, занимали ряд должностей, связанных с коммерческой деятельностью. Иван Комлин, например, был директором Усть-Сысольского общественного банка, заседал в Усть-Сысольском раскладочном по промышленному налогу присутствии.

В начале 1903 года И.П.Комлин, вторично избранный городским головой, отказался от этой должности, и его сменил член управы мещанин Егор Михайлович Тентюков – сначала он был выбран «заступающим должностью», а в мае 1904 года – городским головой «на оставшийся срок». Е.М.Тентюкова тоже к беднякам отнести нельзя – семейство владело двумя домами, оцененными в 550 руб. Он неоднократно избирался в городскую думу (первый раз еще в 1891 году), был и членом управы. В 1910 году ему как члену управы, в связи с отменой Сенатом городских выборов, еще раз недолго пришлось побыть «заступающим должностью» городского головы – до проведения перевыборов.

В 1906 году городским головой был выбран мещанин Алексей Ефимович Суханов, имевший в городе три дома и владевший (вместе с другими наследниками) более чем 50 десятинами сенокосных угодий. Как и предшественники, А.Е.Суханов имел солидный стаж общественно-го служения. Первый раз он стал гласным думы еще в 1891 году и затем еще четырежды избирался в орган городского самоуправления, был и почетным мировым судьей, и председателем сиротского суда, и членом от города попечительского совета женской прогимназии. В марте 1914 году на чрезвычайном собрании думы он вновь был избран городским головой и занимал эту должность до весны 1918 года, став последним председателем органа самоуправления старого Усть-Сысольска.

В 1910–1914 годах городским головой был мещанин Михаил Степанович Жеребцов, владелец кожевенного завода и двух домов (одни из них – каменный, что уже свидетельствует о немалом достатке). Его общественная служба началась в 1887 году, когда он был избран мещанским старостой. Но в отличие от своих предшественников он имел минимальный опыт работы в орга-

нах городского самоуправления – в 1910 году впервые был избран в городскую думу и сразу стал городским головой. Правда, в связи с отменой Сенатом первых выборов ему пришлось на время сдать свои полномочия Е.М.Тентюкову. На повторных выборах М.С.Жеребцов был вновь избран городским головой и вторично же утвержден в этой должности губернатором [55].

Усиление государственного контроля практически не сказалось на деятельности городских думы и управы. Усть-Сысольская городская дума за прежние рамки своей компетенции не выходила, в политику не лезла (а власти больше всего опасались именно этого), инструкции, как и раньше, выполняла. Губернское по земским и городским делам присутствие в основном рассматривало жалобы на решения управы по имущественным спорам (и нередко их отменяло), по остальным же вопросам конфликтные ситуации возникали очень редко. Много времени занимала «бумажная работа» – составление отчетов, справок и т.д. Так ведь бумаготворчества и раньше было не меньше. Теперь, разумеется, думе чаще приходилось сноситься с губернскими властями с тем, чтобы получить разрешение на установленные законом действия, причем нередко губернские власти по несколько месяцев не рассматривали поступившие из думы бумаги, затягивая решение вопросов.

Финансовое положение думы не ухудшилось. Доходы естественным образом постепенно увеличивались – за начало XX века они возросли на 30%. Состав доходной и расходной частей городского бюджета практически не изменился. Для примера приведем данные по бюджету 1897 года. Доходная часть его планировалась в 12558 руб. 59 коп., из них 6077 руб. 97 коп. (48,4%) должен был дать сбор с городских пашенных и сенокосных земель (правда, в пользу города должно было поступить только 4490 руб. 30 коп., остальное – земский сбор и налог в казну), 1759 руб. 40 коп. (14,0%) – оценочный сбор с недвижимости, 1306 руб. 82 коп. (10,4%) – сбор с зданий, принадлежащих городу, по 1000 руб. (в сумме – 15,9%) – сборы с документов на право торговли и с трактирных заведений. Однако, как всегда, полностью собрать всю сумму не удалось. В городскую казну поступило (вместе с взысканными за прошлые годы недоимками) 11834 руб. 24 коп.

Запланированные расходы составили 12362 руб. 69 коп., и практически все основные расходные статьи были профинансированы полностью. По разрядке «сверху» дума перечислила 747 руб. 87 коп. на пособие Государственному казначейству (в том числе 610 руб. на содержание российской полиции, 20 руб. – центрального аппарата Министерства внутренних дел и 117 руб. 87 коп. – губернского по земским и городским делам присутствия). Дума продолжала вносить свой вклад в финансирование губернских и центральных органов власти и даже увеличила его. Но вряд ли вносимую сумму можно назвать чрезмерной – она составляла всего 6% от городских расходов.

Из оставшихся сумм 3107 руб. (25,1%, значительно меньше, чем раньше) составляли расходы на содержание городского общественного управления, в основном на жалованье служащим

городской управы (оно возросло – городской голова теперь получал 600, члены управы – по 300, городской секретарь – 480 руб. в год, и еще 980 руб. уходило на жалованье писцам и канцелярские материалы), 1474 руб. (11,9%) – на содержание городской полиции (в основном на жалованье 8 штатным полицейским чинам), 1380 руб. (11,2%) – на содержание пожарной команды, 844 руб. 80 коп. (6,8%) – на содержание городского приходского училища и пособие женской прогимназии, всего 457 руб. (3,4%) – на содержание общественных зданий и 397 руб. 29 коп. (3,2%) – на содержание дорог, мостов, трактов и освещение городских улиц. Еще 1249 руб. составляли различные мелкие необязательные расходы.

В 1900 году из 12954 руб. 10 коп., составлявших расходную часть городского бюджета, 5,6% ушло на содержание правительственных учреждений, 23% – городского общественного управления и Сиротского суда, 12,9% – городской полиции, 9,8% – пожарных команд (городской и общественной), 9,5% – на народное образование, 11,1% – на благоустройство города, содержание городских сооружений и принадлежащих городу недвижимых имуществ и т.д. В последнем довоенном бюджете 1914 года расходная часть составляла уже 20635 руб. 14 коп. Из них 3,6% ушли на содержание правительственных учреждений, 20,1% – городского общественного управления и сиротского суда, 4,4% – выполнение воинской квартирной повинности, 16,3% – содержание городской полиции, 13,4% – пожарной команды, 9,1% – на народное образование, 5,9% – на благоустройство города, содержание городских зданий и недвижимости, 11,6% – на уплату налогов, 8% – на уплату долгов, 4,8% – на различные мелкие расходы. Как видим, структура городских расходов изменилась мало [56].

В начале XX века дума наконец-то изыскала возможность перевести городские присутственные места в приличное помещение. В конце XIX века управа, сиротский суд и правление Усть-Сысольского общественного банка помещались в одноэтажном деревянном доме на каменном фундаменте, расположенном в 21 квартале (на ул. Набережной). Здание было добротным и сравнительно недавно построенным, но тесным для такого количества учреждений. В 1908 году дума приобрела для городских присутственных мест каменный двухэтажный дом Сухановых на ул. Набережной в 1 квартале. Для этого пришлось взять заем из благотворительного капитала с обязательством возратить его в течение 10 лет, выплачивая по 650 рублей ежегодно [57].

В 1914 году Российская империя вступила в первую мировую войну. И в том же году начала работу последняя Усть-Сысольская городская дума, избранная в императорской России. Новой думе пришлось действовать в чрезвычайных обстоятельствах военного времени. Городская дума была вынуждена отчислять значительную часть бюджета на общегосударственные военные расходы (в 1915 году эта сумма составила 5 из 25 тыс. руб., составлявших расходную часть бюджета). Нехватку средств приходилось покрывать за счет увеличения арендной платы за землю. Бо-

лее чем на 50% возросли земские сборы. Значительно возросли и натуральные повинности, выполняемые горожанами.

Тяготы, вызванные войной, порождали нарастающее недовольство. Горожане требовали от городских властей принять меры по снижению цен на продовольствие и обеспечению города товарами первой необходимости, снизить налоги и повинности. Но городская дума не имела возможности повлиять на ситуацию. Кризис, охвативший всю Россию, в феврале 1917 года привел к свержению монархии и похоронил все институты государственной власти Российской империи. Пос-

ледние выборы в городскую думу уже новой, революционной России, проходившие по новому избирательному закону, установленному Временным правительством, состоялись 23 июля 1917 года. На них был избран председатель думы (ранее такой должности не было) – им стал известный земский деятель, уже упоминавшийся как гласный двух составов городских дум, Василий Филиппович Попов*. Но городского голову не переизбирали – им остался А.Е.Суханов. Городская дума была распущена в апреле 1918 года [58]. На смену ей пришли уже советские органы власти.

* ПОПОВ ВАСИЛИЙ ФИЛИППОВИЧ (1866–1927) – уроженец д. Кочпон, выходец из крестьян, закончил Тотемскую учительскую семинарию, был учителем, затем работал в Усть-Сысольском земстве. С 1900 г. возглавлял земское статистическое управление, став организатором статистической службы в Усть-Сысольском уезде, автор ряда интересных научных работ. Принимал активное участие в событиях 1917–1918 гг. Выступал против большевиков, за что впоследствии подвергался репрессиям. В советское время активно участвовал в краеведческом движении, один из организаторов Общества изучения Коми края.